

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 200–265.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 1 (2025): 200–65.

Научная статья

УДК 94(47)+75.071.1(470)Верещагин

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-6>

<https://elibrary.ru/ezbftr>

Дело под Телишем и картина В.В. Верещагина «Побежденные. Панихида»: восприятие и оценка очевидцев, современников, потомков

Ольга Юрьевна Солодянкина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

olga_solodiankin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>

Olga Yu. Solodyankina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,

olga_solodiankin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>

Аннотация. В статье описывается эпизод, связанный с неудачной атакой лейб-гвардии Егерского полка 12 октября 1877 г. на турецкие позиции у Телиша. Полк потерял значительную часть рядового и командного состава, а оставленные на поле боя раненные были зверски замучены турками, не желавшими выполнять условия подписанной ранее их страной Женевской конвенции о военнопленных. Четыре дня спустя Телиш был взят русскими, и масштаб трагедии егерей стал очевиден военному командованию. Автор анализирует реакцию на турецкие зверства со стороны рядового и командного состава войск, журналистов и посетившего место трагедии художника В.В. Верещагина, создавшего на эту тему пронзительное полотно «Побежденные. Панихида». Сопоставление визуального и литературного текстов Верещагина дает возможность лучше представить замысел художника. Приводятся оценки современников, увидевших картину на выставке работ Верещагина, состоявшейся в Петербурге в 1880 г. и в Москве в 1883 г., – как опубликованные, так и ранее не публиковавшиеся источники, мнения представителей разных элит – правительственной, военной, художественной и интеллектуальной. Автор предлагает объяснительную модель негативного отношения правящей верхушки к работам Верещагина, сравнивая его творчество с картиной К. Маковского «Болгарские мученицы», вписывавшейся в общеевропейский тренд сексуализации военного насилия. В статье выстраивается сопоставительный ряд как для батальных полотен Верещагина (французские

© Солодянкина О.Ю., 2025

© Solodyankina O., 2025

баталисты О. Верне, Э. Детай и А. де Нёвиль), так и для изображений «ужасов войны» (Ж. Калло и Ф. Гойя).

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Телиш, Лейб-гвардии Егерский полк, В.В. Верещагин, великий князь Константин Константинович

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01128 «Василий Верещагин: творческая идентификация, динамика восприятия, стратегии освоения и актуализации наследия в российском культурном опыте XIX – начала XXI вв.», <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>).

Для цитирования: Солодянкина О.Ю. Дело под Телишем и картина В.В. Верещагина «Побежденные. Панихида»: восприятие и оценка очевидцев, современников, потомков // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 200–265, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-6>; EDN: EZBFTR

The Battle of Telish and V. Vereshchagin’s Painting *Defeated. Memorial Service: Perception and Assessment by Eyewitnesses, Contemporaries, and Descendants*

Abstract. The article describes an episode related to the unsuccessful attack of the Life Guards Jaeger Regiment on the Turkish positions near the village of Telish on 12 October, 1877. The regiment lost a significant part of the rank-and-file and command staff. The wounded left on the battlefield were brutally tortured by the Turks, who did not want to fulfil the terms of the Geneva Convention on prisoners of war signed earlier by their country. Four days later, Telish was captured by the Russians, and the scale of the tragedy of the Jaeger Regiment became obvious to the military command. The author analyses the reaction to the Turkish atrocities on the part of the rank-and-file and command staff of the troops, journalists, and artist Vasily V. Vereshchagin, who visited the scene of the tragedy and created an emotionally intense canvas *Defeated. Memorial Service* on this subject. A comparison of the visual and literary texts of Vereshchagin makes it possible to better imagine the artist’s intentions. The article presents the assessments of contemporaries who saw the painting at the exhibition of Vereshchagin’s works held in St Petersburg in 1880 and in Moscow in 1883. The author analyses both published and previously unpublished sources, opinions of representatives of different (governmental, military, artistic, and intellectual) elites. The author offers an explanatory model for the negative attitude of the ruling elite to Vereshchagin’s works, comparing his work with K. Makovsky’s painting *Bulgarian Martyresses*, which fits into the pan-European trend of sexualization of military violence. The article builds a comparative series for both Vereshchagin’s battle paintings (French battle painters Horace Vernet, Édouard Detaille, and Alphonse de Neuville) and images of the “horrors of war” (Jacques Callot, and Francisco Goya).

Keywords: Russo-Turkish War of 1877–78, Telish, Life Guards Jaeger Regiment, V. Vereshchagin, Grand Duke Konstantin Konstantinovich of Russia

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01128 “Vasily Vereshchagin: Creative Identification, Perception Dynamics, Strategies of Heritage Mastering and Actualization in the Russian Cultural Experience of the 19th – the Beginning of the 21st Centuries,” <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>

For citation: Solodyankina, O.Yu. “The Battle of Telish and V. Vereshchagin’s Painting *Defeated. Memorial Service: Perception and Assessment by Eyewitnesses, Contemporaries, and*

Descendants.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 1 (2025): 200–65, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-6>; EDN: EZBFTR

Зарисовка первая, вводная

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., ее в целом успешная для русских военная канва получила значительное отражение в историографии¹. Однако в данном случае мне хотелось бы сосредоточиться на одном печальном, даже горьком эпизоде этой военной кампании, и речь пойдет вовсе не о втором и даже не о третьем штурме Плевны, приуроченном к именинам императора и закончившемся катастрофой русского оружия. В центре моего внимания – маленький эпизод, связанный с неудачной атакой лейб-гвардии Егерского полка на позиции турок под Телишем, появлением картины В.В. Верещагина «Побежденные. Панихида» и последующей рефлексией современников на это произведение художника.

Зарисовка вторая, военная

Событийная канва дела при Телише при максимально сухом изложении выглядит следующим образом. После трех неудачных штурмов Плевны и колебаний относительно перспективы отступления русских войск было принято решение, на котором настаивал военный министр Д.А. Милютин, – отказаться от прямых штурмов и сломить сопротивление врага осадой. Для руководства ею из Санкт-Петербурга был вызван инженер-генерал Э.И. Тотлебен, герой обороны Севастополя во время Крымской войны. Он указал на то, что нужно перекрыть все источники снабжения турок в Плевне, особенно Софийское шоссе, по которому армия Осман-паши получала основные припасы. Укрепленные турками пункты Горный Дубняк, Дольный Дубняк и Телиш защищали эту транспортную артерию. Задачу их захвата должен был решить вновь сформированный отряд под началом И.В. Гурко, состоявший из 50 тыс. человек при 170 орудиях. Основой отряда была гвардия, недавно прибывшая к Плевне. Великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий действующей армией, предпочитал, чтобы все было сделано «быстро и

¹ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Санкт-Петербург: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1901; Двадцатипятилетие великой освободительной войны. 1877–XXV–1902 / составитель Л.А. Богданович. Москва: Отделение товарищества типографий И.Д. Сытина, 1902; *Преображенский И.В.* За братьев славян. По поводу 25-летия священной войны 1877–1878 гг. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1903; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Москва: Воениздат, 1956; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / под редакцией И.И. Ростунова. Москва: Воениздат, 1977; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979; *Золотарев В.А., Межевич М.Н.* История нелегкой победы. Москва: Наука, 1979.

молодецки, как я люблю»², поэтому штурм турецких позиций назначили на ближайшие дни. Сведения о войсках противника были собраны самые поверхностные, при этом силы противника в Дубняках преувеличили, а в Телише – преуменьшили; недооценили и серьезность укреплений Телиша³.

11 октября 1877 г. генерал-адъютант Гурко отдал приказ, содержащий следующую диспозицию:

Завтра, 12 октября, войскам вверенного мне отряда перейти на Плевно-Софийское шоссе с целью занять позицию у Горного-Дубняка, укрепиться на ней и тем сомкнуть блокаду неприятельских войск, собранных в Плевне.

Для сего:

<...> 4). Л.-гв. Егерскому полку с его артиллериею и 2-й бригаде 2-й гвард. кав. дивизии (4 бат., 8 пеших орудий, 7 эск., 6 кон. орудий и 1 сотня) с одною сотнею выступить в 6 ¹/₄ ч. утра и атаковать неприятельскую позицию у Телиша⁴.

Роль наступления лейб-гвардии Егерского полка на Телиш изначально была вторичной: главный удар наносился по Горному Дубняку, а егеря должны были не допустить подхода дополнительных сил от Телиша. Судя по всему, командование решило провести ложную атаку (демонстрацию), отвлекавшую на себя внимание турецкого командования перед атакой главных сил на селение Горный Дубняк, имевшее бóльшее значение. Для такой «ложной демонстрации» егеря подходили, как никто другой. Исследователь русской гвардии А.А. Смирнов отмечает, что егерей отличала особая «скромная гордость» и исключительный дух – «егерство»⁵. Не обладавшие богатырским сложением, но подвижные и легкие, они четко воспроизводили сложившийся ранее паттерн поведения, отраженный в песне, написанной известным художником П.А. Федотовым: «Егерь мал, Да удал. На параде назади, А чуть драка – впереди»⁶. Демонстрация должна была получиться натуральной,

² Цит. по: История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. Составлена по архивным документам и другим источникам офицерами лейб-гвардии Егерского полка. Санкт-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, 1896. С. 380.

³ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 401.

⁴ 11 октября // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 2. Журнал военных действий, веденный в Полевом Штабе. Санкт-Петербург: Военная Типография, 1898. С. 438.

⁵ Смирнов А.А. Индивидуальные черты частей русской гвардейской пехоты в начале XX в. // Пространство и время. 2017. № 2–3–4 (28–29–30). С. 153.

⁶ Цит. по: Смирнов А.А. Индивидуальные черты частей русской гвардейской пехоты в начале XX в. С. 153.

поэтому егерей о характере их наступления не предупредили. Заметим, что когда в 1890-е гг. создавался сборник к столетнему юбилею Егерского полка, авторы-офицеры обговаривали этот момент: была ли перед полком поставлена задача взять Телиш или просто продемонстрировать намерение его захвата. Для егерей этот пункт носил принципиальный характер, ведь если целью была демонстрация, то полк отлично справился с задачей, пусть и дорогой ценой. Но если следовало захватить и удержать Телиш, то тогда все выглядело иначе – полк не выполнил приказ, а для егерей это было позором⁷.

Как вспоминали впоследствии, Гурко примерно так обрисовал ситуацию командиру Егерского полка А.А. Челищеву⁸:

Вам, полковник, предстоит *не трудная задача*. В телишских укреплениях находится всего *лишь несколько рот пехоты*, и с теми силами, которые я даю в ваше распоряжение, вам *легко* будет овладеть ими⁹.

Другой военачальник, временный командующий 1-ой гвардейской дивизией генерал-майор О.Е. Раух, так объяснил задачу егерям-офицерам:

Редко выпадает такое счастье, чтобы полк один участвовал в деле. <...> Турки открывают огонь на большие дистанции и стреляют много, но не метко, так что самый сильный вред их огонь наносит на расстоянии 2000–800 шагов; стоит только быстрее пробежать это опасное пространство и потери значительно уменьшатся. Нашего же меткого огня с ближайших расстояний и удара в штыки турки почти никогда не выдерживают¹⁰.

Офицер Э.Э. Лунд понял эти слова генерала как обещание, что «турок просто руками взять можно будет»¹¹.

С таким шапкозакидательским настроением егеря пошли в бой 12 октября. Подступы к Телишу занимало огромное кукурузное поле, пешие люди совершенно скрывались в кукурузе, так что солдаты не видели ни противника, ни соседние роты, а командованию не представлялось возможным руководить боем.

⁷ Была ли это атака или только «демонстрация» – см. подробнее: История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 427–433.

⁸ Челищев Алексей Александрович (1836–1894), командир лейб-гвардии Егерского полка в 1876–1880 гг.

⁹ Цит. по: История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 401.

¹⁰ Цит. по: История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 403.

¹¹ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 403.

При таких условиях поневоле приходилось искать единственного спасения в быстроте атаки. Цепь начала делать частые перебежки, посылая лишь редкие пули по направлению поднимавшегося дыма. Резервы следовали за нею почти безостановочно. Одним словом наступление приняло характер привычного всем красносельского смотрового ученья¹²,

– таким было описание боя остававшимися в живых непосредственными участниками события почти двадцать лет спустя.

Любо было смотреть на наступающие роты: тишина, спокойствие, люди шли, как на ученьи, в ногу, офицеры впереди рот; люди вели себя превосходно, офицеры же истинно геройски и даже слишком лезли вперед¹³.

Обратим внимание на эту формулировку – «характер привычного всем красносельского смотрового ученья». Егеря действительно двигались как на учениях, только несли страшные потери, поскольку это был не учебный, а настоящий бой. Турки из своих укреплений стреляли безостановочно, не жалея патронов, а наступающим егерям было негде укрыться от их шквального огня. Самоокапывание в этом бою практически не применялось. Поддержка российской артиллерии оказалась слабой.

Храбрые Егеря наступали стройно, быстро, ведомые доблестным командующим, шедшим в рядах головных рот. Но и эта беззаветная доблесть и мужество не могли сломить силы неприятельского огня и батальоны приостановились, залегши шагах в 100 от вала¹⁴.

В итоге,

все поле, насколько мог охватить глаз, было усеяно трупами. Раненые брели и ползли назад. Оставшиеся солдаты инстинктивно жались к немногим уцелевшим офицерам. Помощи ждать было неоткуда¹⁵.

¹² История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 414.

¹³ Дело под Телишем // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 58. Дневники, журналы и очерки военных действий частей 1-й гвардейской пехотной дивизии. Санкт-Петербург: «Столичная Скоропечатня» С.Х. Золотухина, 1906. С. 84.

¹⁴ Реляция о действиях под Телишем // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 48. Действия на Западном фронте с 6 по 12 октября 1877 г. включительно. Санкт-Петербург: Военная Типография, 1906. С. 323.

¹⁵ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 420.

Командир полка отдал приказ отступить; кавалерия должна была прикрыть отступление пехоты и дать возможность подобрать с поля боя раненых.

Другие русские воинские соединения, находившиеся по соседству, выказывали уважение мужеству егерей. Лейб-гусары торжественно приветствовали знамена возвращавшихся с поля боя егерей¹⁶, салютуя «храбрецам..., протрубив “поход”»¹⁷. В истории пятой конной батареи указано:

егеря сделали все, что от них зависело, даже больше... С каким геройством они шли в атаку, с таким же самоотвержением возвращались ранеными; мало-мальски могущий тащиться (не только идти) не позволял себя нести, а плелся сам; собравшись же в кучу, непременно затягивали песню; особенно нас поразила одна кучка, где запевалой был раненый двумя пулями в кисть руки и плечо, и несмотря на эту боль, он окровавленный, потный, запыленный, с запекшейся кровью на губах от истомления и жажды, отхватывал ухарскую солдатскую песню¹⁸.

Это и была квинтэссенция «егерства»: идти в бой как на учениях и не обращать внимания на раны. Потери егерей были огромны: убиты 8 офицеров и 427 нижних чинов, ранены – 19 и 458 соответственно (таким образом, из строя выбыли 57 % офицеров и 42 % нижних чинов)¹⁹.

Свидетелем атаки лейб-егерей на Телиш был летучий кавалерийский отряд флигель-адъютанта полковника Орлова, задачей которого было, отвлекая внимание турок, продемонстрировать (именно так в документе. – *О. С.*) на Софийском шоссе. Орлов, 14 октября вернувшийся после выполнения задания, сообщал, что

атака Телиша, где было в редуте до 6 таборов, была предпринята, во-первых, крайне малыми силами (2 100 русским под Телишем противостояли более 4 000 турок. – *О. С.*), а во-вторых, поведена без всякой подготовки артиллерией, тогда как на верный пушечный выстрел от редута была для нее превосходная, господствующая позиция. Кроме того, стоявшие за лейб-егерями лейб-гусары и драгуны оставались равнодушными зрителями в то время, когда егеря, занявшие передовые турецкие траншеи, были атакуемы с фланга черкесами. Независимо от этого, много было передано о несвоевременной уборке раненых, которые

¹⁶ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 422–423.

¹⁷ Реляция о действиях под Телишем // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 48. С. 310.

¹⁸ Цит. по: История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 424.

¹⁹ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 433–434.

всю ночь оставались в ближайшем лесу без перевязки, и о равнодушии врачей 2-й гвард. дивизии, найденных в 2 часа ночи спящими в избе, тогда как более 1.000 раненых стонали на перевязочном пункте²⁰.

То есть причины поражения егерей были понятны всем очевидцам событий.

Зарисовка третья, мемориальная

За бой под Телишем лейб-гвардии Егерский полк был награжден отличием на головные уборы с надписью «За Телиш 12 октября 1877 г.». Награды получили все оставшиеся в живых офицеры и многие нижние чины.

Знак отличия для головного убора лейб-гвардии Егерского полка
Источник: Информационное агентство «Красная весна». URL:
<https://rossaprimavera.ru/static/files/deb70598a302.jpg>

13 октября, во время перехода, полк встретил главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Он поблагодарил егерей за «молодецкую атаку Телиша»²¹. Тем самым был задан тон итогу Телишского дела: «молодецкая атака». Так считали военные. Общественность судила иначе: «...потери наши здесь ничем не оправдываются. Они не были необходимостью»²², – констатировал военный корреспондент В.И. Немирович-Данченко. Удивительно, но такая точка зрения была ближе к позиции императора, чем оценки военных. 23 октября, делая смотр гвардии, Александр II

особенно долго стоял у Егерского полка, несколько раз благодаря людей за героическую атаку Телиша. «А ты, Челищев, – сказал Император

²⁰ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 6. Журналы военных действий 3-й и 24-й пехотных дивизий. Санкт-Петербург: Военная Типография, 1898. С. 25.

²¹ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 437.

²² Немирович-Данченко В.И. Год войны: (Дневник русского корреспондента), 1877–1878. Том первый. Санкт-Петербург: Типография В. Лихачева и А. Суворина, 1878. С. 223.

командующему полком, – немного погорячился, напрасно принял так к сердцу демонстрацию»²³.

Справедливости ради уточним, что Александр печалился не только о неоправданно больших потерях, а и о том, что это были гвардейцы, его любимцы, многих из которых он знал лично.

14 октября в Егерский полк с благодарностью приехал И.В. Гурко, решивший, что новый штурм Телиша будет проведен совершенно иначе, после соответствующей инженерной подготовки и «почти исключительно артиллерийскою атакою», поскольку турецкая позиция оказалась, при внимательном рассмотрении, укрепленной «весьма сильно»²⁴. С этим планом согласился и Э.И. Тотлебен²⁵. 16 октября начался штурм Телиша. Мощный и меткий огонь русских батарей деморализовал османские войска. После «двухчасового бомбардирования Телишской позиции весь гарнизон Телиша сдался на капитуляцию под условием личной свободы», наши потери «во всяком случае ничтожны»²⁶, – сообщал И.В. Гурко. Кольцо окружения вокруг Плевны замкнулось.

Русские соединения, занявшие Телиш, проходили через то самое кукурузное поле, где разгорелся бой 12 октября. Унтер-офицер Австрийского полка Никита Ефремов зафиксировал в дневнике:

Когда стали подходить под укрепление, то увидели бедных егерей, которые 12-го не были подобраны. Некоторые, вероятно были ранены, а после уже были позамучены на разные манеры, например, повырезаны кресты на грудях, на лбу, на руках, на плечах. У некоторых порезаны горлы, а некоторые, видимо, так поджарены. Видно, горел огонь и на нем, солдат весь голый – спина вся пообгорела и лицо искривило. Верно, его так застала смерть. И все, как один, голые, даже рубашки, и те посниматы²⁷.

²³ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 445.

²⁴ Г.-ад. Гурко помощнику начальника Западного отряда, 13 октября 1877 г., № 26 // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 49. Действия на западном фронте с 13 по 21 октября 1877 г. включительно. Санкт-Петербург: «Столичная Скоропечатня» С.Х. Золотухина, 1905. С. 4–5.

²⁵ Помощник начальника Западного отряда начальнику войск гвардии и кавалерии того же отряда, 14 октября 1877 г., № 264, Тученица // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 49. С. 38.

²⁶ Телеграмма г.-ад. Гурко г.-ад. Тотлебену, 16 октября 1877 г. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 49. С. 94.

²⁷ Дневник унтер-офицера Никиты Ефремова, 1872–1878 гг. / публикация И.Л. Журавской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Москва: Студия ТРИТЭ; Российский Архив, 2009. Т. XVIII. С. 469.

Ту же картину увидел под Телишем генерал-майор А.П. Струков²⁸, адъютант главнокомандующего. 17 октября он телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу:

Осмотрел все тела героев-егерей; все обезображены варварски. Из всех раненых ни одного не осталось живым. Завтра пишу подробности²⁹.

В полевой записке генерал-майору Бремзену³⁰ этот обычно суховатосдержанный военный выплеснул свои эмоции:

Я много видел уже за поход, но подобного не было. Все егеря, павшие 12 числа, обезображены и прирезаны. Il faut que votre aide de camp ne parle pas car cela fait un³¹ впечатление ужасное на людей³².

Сразу же после взятия Телиша команды нижних чинов лейб-егерей, руководимых офицерами, прибыли на поле недавнего боя, чтобы организовать захоронение тел павших 12 октября. «Грустная картина представилась их глазам: большинство их павших товарищей было страшно изувечено»³³. А ведь еще в 1864 г. была принята Женевская конвенция о военнопленных, к которой присоединились и Россия, и Турция. В 6-ой статье этого международно-правового договора говорилось, что

раненые и больные воинские чины подбираются и призываются без различия национальности, к которой бы нации они принадлежат³⁴.

²⁸ Струков Александр Петрович (1840–1911), адъютант великого князя Николая Николаевича во время русско-турецкой войны 1877–78 гг.; тогда же награжден чином генерал-майора с зачислением в Свиту Его Величества. Отличался храбростью.

²⁹ Две телеграммы Свиты Е.В. Г.-м. Струкова Главнокомандующему, 17 октября 1877 г., из Медевана в Богот // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 49. С. 154.

³⁰ Бремзен Александр Густавович (1824–1881) – генерал-майор, командир 2-й бригады 3-й Гвардейской пехотной дивизии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

³¹ Необходимо, чтобы ваш адъютант молчал, потому что это делает... (франц.)

³² Свиты Е.В. г.-м. Струков г.-м. Бремзену (полевая записка), 17 октября 1877 г., 7 ч. 30 м. вечера // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 49. С. 179.

³³ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 440.

³⁴ Женевская конвенция 22-го августа 1864 года и дополнительные к ней статьи 20-го октября 1868 года. Санкт-Петербург: В Типографии Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. С. 5.

Чтобы зафиксировать нарушения конвенции с турецкой стороны, был составлен ряд протоколов. Хорунжий князь А.Н. Церетелев³⁵, ординарец Гурко, по приказанию своего командира собрал сведения о зверствах турок над нашими ранеными:

Еще 12 октября, при отступлении л.-гв. Егерского полка из-под Телиша, некоторые из наших офицеров видели, как турки убивали наших раненых. <...> При взятии Телиша 16 октября не найдено было ни одного из наших раненых. Тела же оказались наскоро закопанными и бóльшая часть изуродованными, с отрезанными ушами и носами или без голов. На сделанные по этому поводу вопросы командовавший в Телише *Измаил-хаки-паша* отвечал, что наших раненых и не видал, что если они и были убиты, то черкесами и башибузуками, бежавшими из Телиша 16 октября. Но потом он сознался, что турецкие офицеры удерживали солдат от совершения зверств и даже стреляли по ним. Особых предписаний об обращении с ранеными и пленными от своего правительства не получал. <...> Из вышеизложенного явствует: 1) что турецкие войска наших раненых не убирали; 2) что бóльшая часть наших раненых была изувечена и все без исключения убиты; 3) что турецкие военные власти никаких мер к спасению хотя бы *одного* из наших раненых не приняли и приказаний из Константинополя по этому вопросу не получали, и 4) что иностранцы, находящиеся на турецкой службе, подтверждают доказанные допросом и обыском зверства³⁶.

Отдельный протокол, отправленный в ставку главнокомандующего, подписали прибывшие для уборки тел офицеры л.-гв. Егерского полка капитан Богаевский, штабс-капитан Перепелицын 1-й, поручики Демьяненков 2-й и Мачихин, подпоручик Тигерстедт, священник л.-гв. Семеновского полка Крюков, командир 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии генерал-майор Философов, поручик Австрийского гренадерского полка Семенов и младший врач л.-гв. Егерского полка Фаворский:

³⁵ Церетелев (Церетели) Алексей Николаевич (1848–1883), грузинский князь, дипломат, во время русско-турецкой войны сначала ординарец М.Д. Скобелева, затем И.В. Гурко. Впоследствии генеральный консул России в Филиппополе (с 1878), затем в Пловдиве (с 1882). В городе Батак (Болгария) ему установлен бюст с надписью: «Благодаря А.Н. Церетелеву мир впервые узнал о злодеяниях турок».

³⁶ Сведения о зверствах турок, произведенных над нашими ранеными под Телишем 12 октября // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 г.г. на Балканском полуострове. Вып. 49. С. 163–164.

...все тела были обобраны до нага; сняты даже металлические кресты. Многие трупы были страшно обезображены, а когда отрыли трупы, слегка забросанные турками землю, все они оказались обезображенными еще хуже. Многие, имевшие во время дела несмертельные раны, были после сильно истязаемы и дорубливаемы, так что на многих было до десяти сабельных ударов, или с перерезанными горлами. Все имевшие галуны и считаемые ими за начальство, замечено было, получили бóльшие истязания: им вырубали на голове кресты, вырезывали ремни вместо галуна и мучали вообще, как видно, еще живых, за что говорит отпечаток страданий, оставшийся на лицах. Нет возможности описать всех безобразий, произведенных турками; довольно перечислить одни факты, которые будут говорить сами за себя без всяких комментариев: 1) встречались трупы с отрубленными головами, руками и ушами, 2) на многих были вырезаны ремни, на груди сделаны турецкие надписи и даже вырублены целые бока, 3) сожжены бока, руки и ноги, 4) на голове у многих вырублены саблями кресты, 5) многие были с перерезанными горлами и большинство иссечено бесчисленными сабельными и штыковыми ударами³⁷.

Об отношении к русским раненым 19 октября были допрошены взятые в плен в Телише англичане-врачи, А.Б. Дуглас, хирург походного госпиталя «Красного полумесяца», и Э.Ш. Вечелль; с их слов также составлен протокол:

13 октября <...> они осмотрели внимательно около 50-ти или 60-ти тел, но видели их гораздо больше... Почти все русские тела были обнажены, на остальных же были лишь изорванные и обгаренные кровью рубашки. Внимание их прежде всего остановилось на трупе, у которого была отнята голова. Далее они видели трупы, которым были нанесены глубокие раны сабельными ударами. У многих нос и уши были отрезаны; у пяти или шести человек головы были отрублены. Смертельно раненые были только ограблены; получившие же не столь тяжелые раны, одни только были изуродованы. У двух трупов были обгорелые животы. Некоторым нанесены были раны выстрелами из револьвера, сделанными в упор, так что раны почернели от пороха. Присутствовавшие на осмотре не заметили тел с изуродованными половыми органами. <...> Следует полагать, что бóльшая часть этих жестокостей была совершена на глазах турецких офицеров, так как некоторые из тел лежали в расстоянии пятидесяти шагов от батареи и вообще недалеко от тех пунктов, с которых могли быть замечены офицерами³⁸.

³⁷ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 441.

³⁸ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 441–442.

В чем была причина такой крайней жестокости турок? По свидетельству В.И. Немировича-Данченко, Александр II спросил об этом Хивзи-пашу, командовавшего гарнизоном Малого Дубняка. «Тот сильно покраснел. Это черкесы и баши-бузуки. Мы сами их не щадим, но ничего не можем сделать с ними. Мы их расстреливали за это. Они не только русских, они не щадят и своих раненых, грабят их»³⁹.

До общественности эти факты донесли несколько военных корреспондентов, что было особенно важным, поскольку во время русско-турецкой войны развернулась настоящая идеологическая борьба, и тема «зверств» с той и другой стороны была одной из основных в этой кампании. По словам современного исследователя С.А. Кочукова,

в самом начале войны иностранные средства массовой информации старались изображать Турцию как объект агрессии, а на Россию переложить всю вину за развязывание боевых действий. Например, в газете «Неделя», со ссылкой на иностранные источники, была помещена заметка «О русских жестокостях», где красочно изображались безобразия русских солдат⁴⁰.

Военные корреспонденты, отправившиеся на Балканы, свидетельствовали о турецких зверствах. Князь Л.В. Шаховской подготовил заметку для «Московских ведомостей», которая произвела впечатление даже на К.П. Победоносцева и его ближайших конфиденентов. В письме цесаревичу Александру Александровичу Победоносцев рассуждал:

На мой взгляд, во всей этой войне есть что-то особенное. Все дело, по-видимому, выносят на плечах своих солдаты, более чем когда-либо. Они являются, кажется, на этот раз не просто пешками на шахматной доске, но одушевленными и разумными деятелями. Нарочно посылаю Вам листок «Моск. Вед.» с письмом кн. Шаховского о деле под Горным Дубняком. Меня поразила в этой корреспонденции та роль, которую играет во всем простой солдат: это удивительно и наводит на многие мысли. Сегодня обедал я у императрицы вместе с гр. Блудовой, Урусовым и Гротом, взял с

³⁹ Немирович-Данченко В.И. Год войны: (Дневник русского корреспондента), 1877–1878. Том первый. С. 212–213.

⁴⁰ Кочуков С.А. Неизвестный корреспондент известной войны (военный корреспондент князь Л.В. Шаховской на балканском фронте русско-турецкой войны 1877–1878 годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 17.

собой эту корреспонденцию и читал ее после обеда, и, кажется, императрица была очень заинтересована рассказом⁴¹.

В.И. Немирович-Данченко в 1878 г. выпустил книгу «Год войны: (Дневник русского корреспондента), 1877–1878», в которой зверствам турок были посвящены следующие строки:

Турки в Телише показали себя достойными товарищами палачей Сулеймана-паши. На щеках, спинах и на руках у раненых, у которых на погонах была продольная нашивка за образцовую стрельбу, составлявшая с ефрейторской нашивкой крест – турки вырезали тоже кресты, сдирали ремнями кожу, разводили костры на груди. Найдены были солдаты лейб-егерского полка с обгорелыми ногами. Многие из раненых зарыты живыми. У некоторых раздроблены половые органы, у многих отрезаны носы... На лицах трупов, найденных нами, было столько муки, столько страдания – видимо, что прежде последнего удара это отродье человечества заставило их вынести все, что может только создать воображение демона; ужасы средневековых пыток бледнеют перед злодействами этих друзей Англии⁴².

18 октября прошли похороны егерей, погибших в деле при Телише. Отдельно, с подобающими почестями, в могиле, вырытой на одном из курганов, были захоронены офицеры; нижние чины были похоронены на самом поле сражения в трех общих могилах. Впоследствии там поставили памятник⁴³.

⁴¹ Письма Победоносцева к Александру III. Том I / предисловие М.Н. Покровского. Москва: Новая Москва, 1925. С. 97.

⁴² Немирович-Данченко В.И. Год войны: (Дневник русского корреспондента), 1877–1878. Том первый. С. 219.

⁴³ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. С. 442–443.

Памятник офицерам лейб-гвардии Егерского полка,
погибшим в деле под Телишем 12 октября 1877 г.
Источник: Руниверсалис. URL: https://руни.рф/Файл:Паметник_Телиш2.jpg

Две братские могилы низших чинов лейб-гвардии Егерского полка,
погибших в деле под Телишем 12 октября 1877 г.
Источник: Руниверсалис. URL: https://руни.рф/Файл:Костница_Егерски_полк1.jpg

Зарисовка четвертая, художественная

Василий Васильевич Верещагин, к тому моменту уже известный художник, по ходатайству критика В.В. Стасова состоял при штабе русской армии в качестве военного художника. В район Горного Дубняка и Телиша он попал на второй день после занятия его русскими войсками. Князь Л.В. Шаховской⁴⁴, военный корреспондент, был там вместе с ним и оставил подробное описание поля, заваленного телами егерей, убитых и замученных турками 12 октября⁴⁵, а также похорон, состоявшихся 18 октября⁴⁶. Шаховской зафиксировал и картину, которая потом появится у Верещагина:

Этих заживо изувеченных Турки собрали вместе и прикрыли тонким слоем земли для того, вероятно, чтобы соделанное зверство не слишком бросалось в глаза в случае нового прихода Русских⁴⁷.

В письме Стасову Верещагин по горячим следам описал свои ощущения, близкие эмоциям адъютанта Главнокомандующего А.П. Струкова, с которым Верещагин виделся на этом печальном поле:

Затрудняюсь передать Вам впечатление массы в несколько сот наших егерей, павших под Телишем и изуродованных турками. На земле валялось десятка 3, 4 хотя и раздетых догола, но не избитых; а в отдельных кучках, прикрытых землею, лежали тела всячески избитые: у кого перерезано горло или затылок, отрезан нос, уши, у некоторых вырезаны куски кожи или продолговатые или аккуратными кружками; некоторые в груди или других местах подожжены и обуглены. Когда этих несчастных повыкопали из набросанной на них земли, то представилось что-то до того дикое, что

⁴⁴ Шаховской Лев Владимирович (1849–1897), князь, журналист, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей», военный корреспондент в действующей армии на Балканах в период войны 1877–1878 гг.

⁴⁵ В письме Стасову от 19 / 31 октября 1877 г. из Горного Дубняка Верещагин сообщал: «Я думаю, что эти зверства следует сделать гласными, и подробно рассказывал о них корреспондентам “Нового времени” Иванову и “Московских Ведом[остей]” кн[язю] Шаховскому, находящимся при отряде Гурко, но не имевшим случая видеть этого моря изуродованных тел» (Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. Т. 1. 1874–1878. / под редакцией А.К. Лебедева. Москва: Искусство, 1950. С. 197). Получается, что либо Верещагин не знал о присутствии рядом Шаховского, либо, как это у Верещагина было принято, несколько «выпячивал» свою роль перед Стасовым, либо Шаховской все записал со слов Верещагина и вовсе не бывал у Телиша. Вопрос нуждается в дальнейшей исследовательской проработке.

⁴⁶ См. *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. Два похода за Балканы. Москва: В Университетской типографии (М. Катков), 1878. С. 128–131.

⁴⁷ *Шаховской Л.В.* С театра войны 1877–78. Два похода за Балканы. С. 129.

словами трудно сказать. Что сделано это не черкесами, видно из того, что мундиры наших павших егерей найдены по траншеям и землянкам регулярного войска. Что турки знали, что они делали, видно из того, что они приняли меры для того, чтобы скрыть свое зверство⁴⁸.

Несколько зарисовок с места событий Верещагин сделал в походном альбоме тогда же⁴⁹, однако эти этюды Верещагина не сохранились. Впоследствии, начав работу над картинами, посвященными русско-турецкой войне, Верещагин понял, что ему не хватает некоторых «картинок в голове», и еще дважды, в 1879–1880 гг., съездил в Болгарию, сделав много зарисовок на местах бывших боев. Впечатления русско-турецкой войны вылились у Верещагина в балканскую серию картин, созданную в Париже в 1878–1879 гг. параллельно с картинами индийской серии. Верещагин и сам оставил записи о том, как шел процесс работы над картинами:

после Болгарии за работой индийской мечети или процессии слонов я думал о раненых, их перевязке, о павших егерях и т.д. и, сознаюсь, чуть не каждый день бывало всплакивал⁵⁰.

Характерно, что именно егеря упоминаются в этом наборе горьких впечатлений. Если вид поля с их изуродованными телами так поразил в свое время военных, можно только догадываться, как это запечатлелось в «страшной» памяти Верещагина. И ведь для него все еще осложнялось личной драмой: под Плевной, спустя много месяцев после третьего штурма, он искал тело своего погибшего младшего брата Сергея, но так и не нашел его. Он видел много брошенных тел убитых русских, уже тронутых тленом, но брата среди них не было...

Приходило также в голову, что, может быть, брат мой не убит, а только тяжело ранен и оставлен на поле битвы замятво!⁵¹

⁴⁸ В.В. Стасову / [Под Плевной]. 17 (29) октября [1877] // Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма / составитель А.К. Лебедев. Москва: Изобразительное искусство, 1981. С. 63–64.

⁴⁹ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. 1842–1904. Москва: Искусство, 1958. С. 180.

⁵⁰ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. 1842–1904. С. 187.

⁵¹ Верещагин В.В. На войне: Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. Москва: Товарищество И.Д. Сытина, 1902. С. 111.

После вида изуродованных егерей на поле под Телишем – как тяжелы должны были быть эти мысли!

Поскольку Верещагин обладал не только художественным, но и литературным талантом, он писал заметки о своих путешествиях, и мы имеем возможность сопоставить текстовой и визуальный ряды. Вот так выглядит описание поездки на поле под Телишем:

Я съездил в Телиш, чтобы взглянуть на то место, где пали наши егеря. Отклонившись с шоссе влево, я выехал на ровное место, покато от укрепления, покрытое высокой, сухой травой, в которой на первый взгляд ничего не было видно. Погода была закрытая, пасмурная, неприветливая, и на темном фоне туч две фигуры, ясно вырисовывавшиеся, привлекли мое внимание: то были священник и причетник из солдат, совершавшие божественную службу. Я сошел с лошади и, взяв ее под уздцы, подошел к молившимся, служившим панихиду. Только подойдя совсем близко, я разобрал по ком совершалась панихида: в траве виднелось несколько голов наших солдат, очевидно, отрезанных турками; они валялись в беспорядке, загрязненные, но еще с зиявшими отрезами на шеях. Когда служба кончилась, я поздоровался с батюшкой, сказавшим мне с некоторым раздражением: «Срам, срам! – Действительно, срам, – повторил я, полагая, что он говорит о валявшихся у ног наших головах. – И ведь не знаем, когда получим все это. – Что получите, батюшка? – переспросил я, не поняв его фразы. – Ризы наши, помилуйте! Все отстало, и неизвестно, когда догонит, разве не срам то, что я служу панихиду в праздничной ризе?» Признаться, только тут я обратил внимание на то, что почтенный священник был в красном с золотом облачении. Батюшка и причетник обратили мое внимание на множество маленьких бугорков, разбросанных кругом нас; из каждого торчали головы, руки, и чаще всего ноги, около которых тут и там возились голодные собаки, а по ночам, вероятно, работали и волки с шакалами. Видно было, что тела были наскоро забросаны землей, только чтобы скрыть следы⁵².

Когда тела были вырыты командой могильщиков и подготовлены к захоронению, Верещагин еще раз приехал на страшное поле:

На огромном пространстве лежали гвардейцы, тесно друг подле дружки; высокий, красивый народ, молодец к молодцу, все обобранные, голые, порозовевшие и посиневшие за эти несколько дней. Около 1500 трупов в разных позах, с разными выражениями на мертвых лицах, с закинутыми и склоненными головами, кое-где с поднятыми руками. Впереди лежавшие

⁵² Верещагин В.В. На войне. С. 151–152.

были хорошо видны, следующие закрывались, более или менее, стеблями травы, а дальних почти совсем не видно было из-за нее, так что получалось впечатление, как будто все громадное пространство до самого горизонта было устлано трупами⁵³.

В 1879 г. в Париже прошла выставка индийских и балканских картин Верещагина. Среди картин балканской серии были те, что связаны с делом при Телише – «Победители» и «Побежденные. Панихида». Именно эти картины прежде всего вызывали обвинения Верещагина в недостатке патриотизма.

В.В. Верещагин «Победители» (1878–1879). Киевский музей русского искусства
Источник: Gallerix.ru. URL: <https://gallerix.ru/album/Vereshagin/pic/glrx-527642822?ysclid=m6j3y3di2x452586948>

Вот как описывает картину «Победители» главный советский эксперт по творчеству Верещагина А.К. Лебедев:

В картине «Победители» изображено поле под Телишем, покрытое телами павших русских воинов. По полю бродят турецкие мародеры, добывающие раненых, раздевающие убитых, торжествующие свою победу. <...> В середине картины, привлекая главное внимание зрителя, изображена группа мародеров. Здоровенный детина с ухмыляющимся лицом примеряет мундир русского офицера, веселя своим видом соучастников преступления. К фигуре «ряженого» турка прикованы внимание, жесты, взоры всех окружающих: и того турка, который в насмешку отдает «ряженому» честь, и того, который от любопытства даже нагнулся, желая лучше рассмотреть

⁵³ Верещагин В.В. На войне. С. 153.

добытый трофеей, и того завистника, который, не отпуская карманов обезглавленного егеря, жалеет, что не ему достался богатый мундир, и поэтому скосил недружелюбный взгляд на удачливого конкурента. <...> Фигура ряженого – композиционный фокус полотна – как бы вбирает в себя все настроения «победителей»: бесшабашное веселье на крови, чудовищную жестокость, жажду стяжательства⁵⁴.

Конечно, Верещагин не был свидетелем мародерского шабаша на поле под Телишем, но его живое воображение позволило ему представить такую картину в голове, а потом перенести ее на холст. Художник сопроводил картину следующей подписью:

При взятии Телеша многие пленные турки оказались одетыми в форму наших егерей, за день перед тем отбитых от укрепления. Некоторые были даже в офицерских мундирах, что мало шло к их смуглым глуповато ухмылявшимся физиономиям. Немедленно-же по отступлении уцелевшей половины нашего полка, победители вышли из укрепления, обобрали оставшихся на поле битвы и перерядились в их одежды...⁵⁵

В.В. Верещагин «Побежденные. Панихида» (1878–1879).

Государственная Третьяковская галерея

Источник: Третьяковская галерея. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8427>

⁵⁴ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. С. 194–195.

⁵⁵ Каталог выставки картин и этюдов В.В. Верещагина. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1880. С. 12.

Картина «Побежденные. Панихида» – не смоделирована в голове художника, как предыдущая, а является фиксацией эпизода, виденного самим живописцем. А.К. Лебедев так описал эту картину:

Сквозь безлистную поросль кустов, сквозь пожелтевшую высохшую траву зритель видит обнаженные человеческие тела, уже обмякшие, потерявшие свои естественные очертания. Приглядевшись к трупам, можно заметить на них следы чудовищных турецких пыток. Тут валяется отрезанная голова, там тело с вырезанными кусками кожи, а далее – труп со следами увечья, и так без конца. Полковой священник в присутствии солдата отпевает около свежерытой братской могилы воинов, погибших мученической смертью. <...> Мрачное, покрытое густыми облаками свинцово-серое небо, становящееся к горизонту зловеще синим, оттеняет трагизм сцены. Сухая трава, жалкий кустарник – вся эта осенняя, увядшая природа – оттеняют в картине мертвенность поля битвы и пыток, усиливают настроение гнетущей, безысходной печали⁵⁶.

Сопроводительная надпись от Верещагина гласила:

Все без исключения раненные наши были предварительно прирезаны и изуродованы турками, и вместе с убитыми обшарены и раздеты догола. Товарищи их, Егеря, собрали разбросанные по полю битвы тела, положили их рядом перед общею могилою... Священник отслужил панихиду...⁵⁷

Конечно, обе картины надо рассматривать вместе; только в связке они производят законченное впечатление, ведь это одно и то же поле под Телишем с разницей в несколько дней – 12 октября, непосредственно в день первого, неудачного для русских сражения, и 17–18 октября, когда готовили к погребению и хоронили тела погибших и замученных егерей. Другие картины серии также образуют особые связки по две или по три картины. Неудивительно, что художник желал, чтобы вся серия оказалась в одних руках, в одном собрании, и надеялся на приобретение картин П.М. Третьяковым, который уже ранее купил картины туркестанской серии. Третьяков, заочно заинтересованный в приобретении картин Верещагина, высказал соображение, что центральные сюжеты будут связаны с жертвами русского народа, подвигами его войск, образами отдельных личностей, но Василий Васильевич

⁵⁶ Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. С. 196.

⁵⁷ Каталог выставки картин и этюдов В.В. Верещагина. С. 12.

надеялся своим творчеством схватиться с «ужасным призраком войны», а не создавать ура-патриотические произведения⁵⁸.

Зарисовка пятая, о рефлексии

В феврале 1880 г. в Петербурге открылась выставка картин Верещагина. Не использовалось название «балканская серия», работы художника значились в каталоге как «картины последней русско-турецкой войны». Ряд художественных произведений имел пояснительные надписи, полные сарказма (например, «На Шипке все спокойно»). Цесаревич Александр Александрович, ранее получив каталог парижской выставки Верещагина, писал в письме А.П. Боголюбову⁵⁹:

Читая каталог картин Верещагина, а в особенности текст к ним, я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, и можно по ним заключить одно: либо Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек!⁶⁰

В устной беседе с Боголюбовым великий князь Александр Александрович заметил:

Война всегда была, есть и будет – за обиженную честь нации или за что другое, – и не пошлыми изображениями спекулятора для своей известности лечить подобные раны человечества⁶¹.

По настоянию президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича поясняющие надписи с картин балканской серии были удалены.

За 40 дней выставку посетили более 200 тысяч человек⁶². Ажиотаж в обществе был невероятный, о выставке «говорил весь город»⁶³. Девятилетнего Александра Бенуа на эту выставку привела мать, вообще к искусству

⁵⁸ В.В. Стасову / Париж. 19 апреля (1 мая) 1879 // Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. С. 95–96.

⁵⁹ Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896) – русский художник-реалист, многие годы жил во Франции, где попечительствовал, по поручению петербургской Академии художеств, над русскими художниками-пенсионерами. Был близок к царскому двору.

⁶⁰ Цит. по: Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. С. 238.

⁶¹ Цит. по: Кузенков П. Верещагин и война // Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. Москва: ДАРЪ, 2007. С. 13.

⁶² Кузенков П. Верещагин и война. С. 13.

⁶³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания / под редакцией Д.С. Лихачева. Москва: Наука, 1980. Т. 1, кн. 1–3. С. 250.

относившаяся довольно равнодушно. Пришлось выстоять очередь, войти в забитый людьми зал и –

я увидел «Панихиду на поле битвы», и эта картина меня поразила до глубины души. Странное дело, оказала она на меня одновременно и отпугивающее, и притягивающее впечатление. Некоторых очень нервных детей притягивает все, что «пахнет смертью», и как раз я в те времена отличался в сильной степени этой странной необъяснимой чертой. Поэтому я и остолбенел, увидав это поле, на котором до самого горизонта вместо травы или вспаханной земли виднеются серо-желтые обнаженные, точно кем-то посеянные людские тела! Фигуры смиренно и покорно кадящего батюшки в черной рясе и стоящего за ним навытяжку солдата только усиливают впечатление безнадежного молчания и пустынности, а унылое серое небо лежит тяжелым покровом над всей этой сценой⁶⁴.

Александр II пожелал увидеть картины Верещагина лично, и их для него на руках солдаты-гвардейцы перенесли в Зимний дворец. Напомним, что только что, 5 февраля 1880 г., в Зимнем дворце прогремел взрыв, и императорская семья чудом избежала смерти, так что действовали повышенные меры безопасности.

Д.А. Милютин, военный министр, 18 марта 1880 г. записал в дневнике впечатления от этого импровизированного индивидуального вернисажа:

После доклада моего и доклада вместе с Гирсом зашел я в Николаевский зал Зимнего дворца, где выставлены для Государя картины Верещагина, наделавшие столько шуму и возбудившие ожесточенные споры между поклонниками его таланта, большею частью ультра-реалистами, и противниками, признающими эти картины не воспроизведением сцен минувшей войны, а профанацией войны, злобною карикатурой того, что составляет гордость и святыню для народного чувства. Действительно, Верещагин, неоспоримо талантливый художник, имеет странную склонность выбирать сюжеты для своих картин самые непривлекательные; изображать только неприглядную сторону жизни и, вдобавок, придавать своим картинам надписи в виде ядовитых эпиграмм с претензиями на остроумие. Так, например, изобразив на трех картинах часового, занесенного снегом и замерзающего, он над всеми этими изображениями пишет: «На Шипке все спокойно». На картине, изображающей государя и свиту его под Плевной, в виду кровопролития, он надписывает «Царские именины». Впрочем эта надпись, красовавшаяся

⁶⁴ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. С. 370.

в Париже, здесь, конечно, исчезла. Не имел возможности быть на выставке, привлекавшей массы народа, я рад был удобному случаю, чтобы лично проверить слышанные мною бесконечные толки об этих картинах; и должен сознаться, что, обойдя весь ряд картин, вынес грустное впечатление. Самого художника не было в зале; Государь, пожелав видеть картины, не желал видеть самого автора⁶⁵.

19 марта в своем дневнике пометку о выставке картин Верещагина в Николаевском зале дворца сделал великий князь Константин Константинович:

Картины Верещагина были выставлены в концертном зале Зимнего дворца, где их смотрел Государь. Я слышал, что Он остался недоволен направлением Верещагина и не пожелал его видеть⁶⁶.

Сам великий князь, которому было тогда 22 года, так в дневнике описал впечатления от картин Верещагина:

Весь Петербург говорит о картинах Верещагина: их два разряда, один – виды Индии, другой – изображение случаев из последней войны. Они выставлены на Фонтанке в доме Безобразова и освещены электрическими фонарями Яблочкова. Нет конца спорам об этих картинах: публика разделилась на три партии: на художников, на поклонников и на врагов Верещагина. Я принадлежу к первым и отчасти к последним. Художники не отказывают Верещагину в таланте, но и не считают его картины за художественные произведения, а за декоративное искусство. Поклонники Верещагина не ищут в его картинах никакой задней мысли, не разбирают их художественности, а прямо отдаются впечатлению, охватывающему при виде картин. Враги Верещагина видят в его произведениях некоторую тенденциозность, находят, что кроме ужасов войны, он желал втоптать в грязь распоряжения и действия начальников военных действий, выставил только мучения и тяжелые минуты, переживаемые войсками, и не показал почти ничего из славных дел. Вечером, часов в 10, когда выставка была заперта, я был там. Большие и маленькие картины, кроме нескольких исключений, мне нисколько не понравились, они безжизненны и бледны, несмотря на яркость красок. Военные картины, панихида над телами несчастных изуродованных егерей под Телишем (названная «Побежденные») и турки в мундирах Л[ейб-гвардии] егерского полка, где

⁶⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881 / под редакцией Л.Г. Захаровой. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 179–180.

⁶⁶ Романов Константин // Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/269338> (дата обращения: 11.10.2024).

видны аксельбанты и царские вензеля на погонах Мебеса⁶⁷ на первом плане («Победители»), сделали мне болезненное, тяжкое впечатление. Описание всяких ужасов у Достоевского во мне возбуждали хотя грустное, но все же возвышающее душу чувство; тут перед кровавыми картинами Верещагина на меня находило омерзение и злоба. Единственная картина мне понравилась: это «Обоз раненых». Я ушел с выставки *avec serrement de coeur*⁶⁸. Было больно и вместе с тем гадко⁶⁹.

В письме Стасову Верещагин привел слышанные им отзывы других великих князей.

[Владимир Александрович] крепко ругал меня за *невозможные* сюжеты <...> Ник [олай] Николаевич, бывший у меня 2 раза, сомневался, поймут ли в России такие картины, как «Наши победители» и «Наши побежденные»... Стороною слышал, что он, хваля мои работы, высмотрел в них *тенденцию* – еще бы! Все это – и злоба Владимира и мнение Николая – похожи, как представителей самого ярого консерватизма, показывают, что я стою на здоровой, нелицемерной дороге, которая поймется и оценится в России⁷⁰.

Итак, омерзение и злоба, невозможные сюжеты, профанация войны – вот реакция на «кровавые картины» Верещагина у правящей элиты страны. Омерзение и злоба на художника, на его творчество. Для Романовых, в воспитании и образовании которых военная подготовка всегда занимала самое большое место, такая реакция была естественной. Они хотели видеть славные страницы военной истории, героизм военных, а не тяготы войны, ее повседневность, а тем более такую некрасивую правду о «своих».

Александр Бенуа зафиксировал те споры, которые разгорелись в среде художественной общественности:

⁶⁷ Оттон Карлович фон Мебес (1835–1877) – полковник лейб-гвардии Егерского полка, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 г., погиб в битве при Телише.

⁶⁸ С замиранием сердца (франц.).

⁶⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича. 18 / X – 1879 – 13 / III – 1880 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 660. Оп. 1. Д. 16. Л. 142 об.–143 об.

⁷⁰ В.В. Стасову / Париж. 30 октября / 11 ноября / 1879 // Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. С. 102.

[выставка] давно закрылась, а на наших семейных обедах дядя Костя⁷¹ и дядя Сезар⁷² все еще схватывались по поводу произведений Верещагина с дядей Мишей⁷³, с Женей Лансере⁷⁴, с Зозо Россоловским⁷⁵ и с почтеннейшим сеньором Бианки⁷⁶. И как схватывались! Но только «партийной дисциплины» в этих схватках не было, вследствие чего получалась дикая путаница. Те же лица, кто восторгались живописью Верещагина, готовы были его обвинить чуть ли не в государственной измене, а те, кто хвалили Верещагина за его правдивость, возмущались «шарлатанизмом» художника. Этот шарлатанизм они усматривали как в том, с каким искусством художник «умел рекламировать» свое творчество, так и в том, как эти выставки были устроены и освещены. Окна залы... были закрыты щитами, а в получившемся мраке самые картины ярко освещались электрическим (только что тогда изобретенным) светом; вследствие этого солнечные эффекты казались ослепительными и предельно иллюзорными⁷⁷.

Таким образом, в художественной среде разошлись взгляды на то, что важнее – содержательная, внутренняя или формальная, внешняя сторона искусства, и нашлись сторонники как первого, так и второго подхода, и их оценки творчества Верещагина были диаметрально противоположными. Интересно, что быть успешным художником в этой среде считалось неприличным. Умение рекламировать свое творчество, умение устраивать из выставки перформанс – все это были, по мнению художественной среды, в которой вызревал бульон «Мира искусства», качества шарлатана, а не творца.

Что касается историков, то мы можем привести отзыв И.Е. Забелина, выдающегося археолога, специалиста по истории Москвы. 24 мая 1883 г. он посетил выставку Верещагина в Москве, и его поразила картина поля под Телишем:

...приехал в Москву ранее и потому завернул посмотреть картины Верещагина. Сильный мастер в освещении и в реальной правде. Вид

⁷¹ Константин Альбертович Кавос (1825–1890), дядя А.Н. Бенуа, дипломат, тайный советник.

⁷² Цезарь Альбертович (Сезар) Кавос (1824–1883), дядя А.Н. Бенуа, архитектор.

⁷³ Михаил Альбертович Кавос (1842–1898), дядя А.Н. Бенуа, секретарь Земской управы.

⁷⁴ Евгений Александрович Лансере (1848–1886), зять А.Н. Бенуа, скульптор-анималист.

⁷⁵ Вячеслав Сильверстович Россоловский (1849–1908), военный корреспондент «Нового времени» во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁷⁶ Джованни Бианки (Иван, Jean Bianchi) (1811–1893), швейцарец, с 1820 по 1884 г. жил в России, один из первых петербургских фотографов.

⁷⁷ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. С. 369.

Кремля ординарен. Но лучше всего поп и полковой дьячок, служащий панихиду в поле побоища. Они, как живые, поют и читают⁷⁸.

Для Забелина важнее всего был реализм художника, эта эмоция «как живые» перевешивала все остальное.

Сам Верещагин так описал реакцию на отзывы о картине «Побежденные. Панихида»:

Я написал потом картину этой панихиды, каюсь, в значительно смягченных красках, и чего-чего не переслышал за нее! И шарлатанство это, и самооплевание, и историческая неправда! Сентиментальные люди из общества, допуская даже правду изображения, упрекали художника за то, что, в помощь склоненной над трупами фигуры священника, не прибавлено хоть незначительного луча с неба из нависших туч. <...> Лучшим оправдателем моим явился священник, перед самой картиной сказавший смотревшей на нее публике: – Господа, священник, отпевавший убитых егерей – я, и позволяю себе сказать, что все было именно так, картина совершенно верна действительности⁷⁹.

Какова была дальнейшая судьба картин? Для Третьякова вся балканская серия картин и этюдов оказалась неподъемно дорогой (и некоторые полотна ему не понравились), он желал приобрести только несколько произведений, торговался, и в итоге часть картин и серию набросков в 1883 г. купил крупный сахарозаводчик из Киева И.Н. Терещенко. «Победителей» купил именно он (поэтому теперь эта картина находится в собрании Киевской картинной галереи (ранее – Киевский музей русского искусства). Среди 59 этюдов, приобретенных Терещенко, были те, что связаны с печальным делом под Телишем: «Памятник лейб-егерей под Телишем» и «На месте битвы под Телишем»⁸⁰. В 1887 г. Третьяков купил у Верещагина картину «Побежденные. Панихида по убитым»⁸¹, так что теперь она хранится в Государственной Третьяковской галерее.

⁷⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 127.

⁷⁹ Верещагин В.В. На войне. С. 153–154.

⁸⁰ И.Н. Терещенко / Москва. 30 мая (11 июня) 1883 // Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. С. 135–137.

⁸¹ Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. С. 248.

Зарисовка шестая, о батальном жанре, или об «ужасах войны» и «зверствах»

В мировой живописи традиционно действует своя иерархия, и каждому художнику определено его место в «системе координат» истории искусства⁸².

Как баталиста, Верещагина «мерили» с Орасом Верне (1789–1863), французским художником, написавшим серию картин о французских завоеваниях в Алжире и Марокко для военной галереи в Версальском дворце. Это были красивые, яркие полотна, нравившиеся Николаю I, по приглашению которого Верне приезжал в Россию и выполнил несколько картин по заказу императорского двора. Два других французских баталиста, Альфонс де Нёвиль (1836–1885) и Эдуар Детай (1848–1912), прославились правдивым изображением обычной жизни солдат, вниманием к отдельным героям франко-прусской войны, а не интересом к грандиозным сценам сражений. Детай впоследствии работал в России и подготовил альбом о красносельских маневрах. Вот он бы мог написать картину, как красиво двигались в атаку егеря на поле под Телишем. Ведь они, как мы помним, «шли, как на ученьи, в ногу, офицеры впереди рот». В отличие от Верне, Нёвиля и Деталя Верещагина привлекала жестокая, звериная сторона войны. Этот интерес проявился у художника еще в туркестанской серии картин (картины «Апофеоз войны», «После удачи», «После неудачи», «Забытый»⁸³), а публика считала, что Верещагин получает удовольствие, изображая «ужасы».

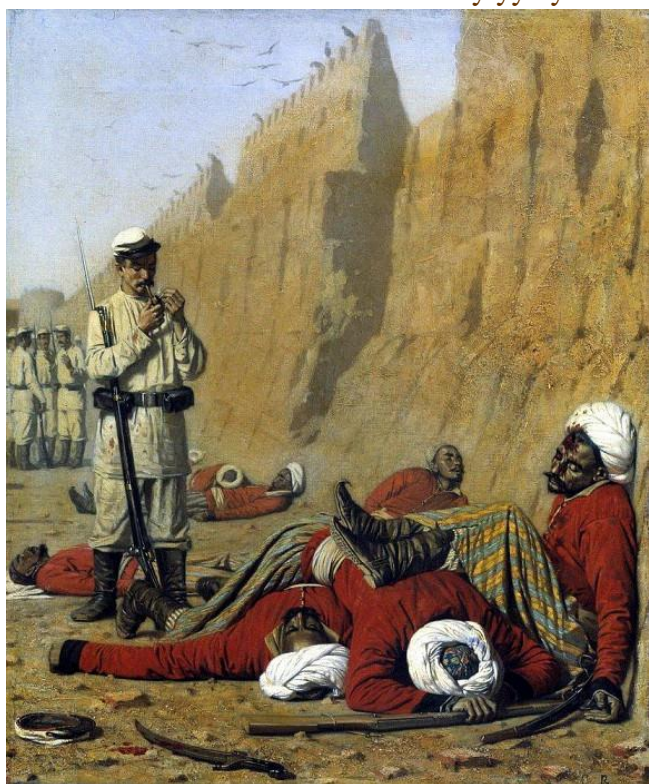
⁸² О месте Верещагина – см. подробнее: Солодянкина О.Ю., Всеволодов А.В. Великий – значительный – снова великий: как в советской культуре 1920–1960-х годов искали место В.В. Верещагину // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 186–196.

⁸³ Картина «Забытый» была уничтожена художником; считается, что это случилось после резко негативной оценки, высказанной Александром II и генерал-губернатором Туркестана Кауфманом, указавшими, что наша армия не бросает «своих» и Верещагин погрешил против истины.

В.В. Верещагин «Забытый» (1872)

Источник: Арт поиск. URL: http://artpoisk.info/artist/vereschagin_vasiliy_vasil_evich_1842/zabytyy/?ysclid=m6j98h8xba683747765

В.В. Верещагин «После неудачи» (1868).

Государственная Третьяковская галерея
Источник: Gallerix.ru.

URL: <https://gallerix.ru/album/Vereshagin/pic/glr-388858032>

В.В. Верещагин «После удачи» (1868).

Государственная Третьяковская галерея
Источник: Gallerix.ru.

URL: <https://gallerix.ru/album/Vereshagin/pic/glr-241778564?ysclid=m6jbxhtzvy742287596>

В письме Стасову Верещагин объяснял свой замысел:

«Ужасы», по этой канве вышитые художником, не вычитаны им, не выхвачены откуда-нибудь належке, а видены и прочувствованы самим (мы находили трупы наших несчастных солдатиков, облитых еще теплою кровью, с глубоко вырезанными из плеч головами, и преследовали тех, которые уносили эти головы). <...> художник сознательно решился дать другим взглянуть на отвратительные подробности войны, подробности, неизвестные и упускаемые из вида, отчасти за стуком оружия и его ближайшими результатами, отчасти за теми или другими более или менее невинными целями и делишками – отсюда, а не из прихоти и платонической любви к крови, те непривлекательные сцены, за которые присяжные эстеты не преминут упрекнуть автора, не решившегося сентиментальничать там, где, по вкусу публики и критиков, это нужно и принято⁸⁴.

Для изображения «ужасов войны» тоже существовала сложившаяся традиция и были свои абсолютные авторитеты – французский рисовальщик и гравёр Жак Калло (1592–1635) и испанский живописец и график Франсиско Гойя (1746–1828). Калло – автор серии крупноформатных офортов «Большие бедствия войны», запечатлевшей хаос и ужасы, в которые повергла Европу Тридцатилетняя война. Гойя, под впечатлением развернувшейся в Испании войны против вторжения французских войск, создал серию офортов «Бедствия войны» (1810–1820 гг.). В России как раз в 1870-е гг. сложилась своя традиция изображения «ужасов войны», настраивавшая зрителей на патриотический лад. А.Н. Бенуа, в те годы мальчик, описал тогдашний жанр «ужасов» следующим образом:

Особенное впечатление на меня производили рассказы про те пытки, которым подвергали «кроважидные башибузуки» жителей подвластных Порте стран. На страницах иллюстрированных журналов печатались картинки на эту же тему, а на выставках появлялись картины иной раз значительных размеров, в которых художники старались выразить свое негодование или свой патриотический восторг. Одну из этих картин я особенно запомнил, и это потому, что рассказывали, будто «сам наш добрый государь», увидав ее, расплакался. <...> Называлась картина, если не ошибаюсь, «Турецкие зверства», и принадлежала она кисти наиболее прославленного в те годы художника – Константина Маковского⁸⁵.

⁸⁴ В.В. Стасову / Петербург. Середина марта 1874 // Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. С. 30–31.

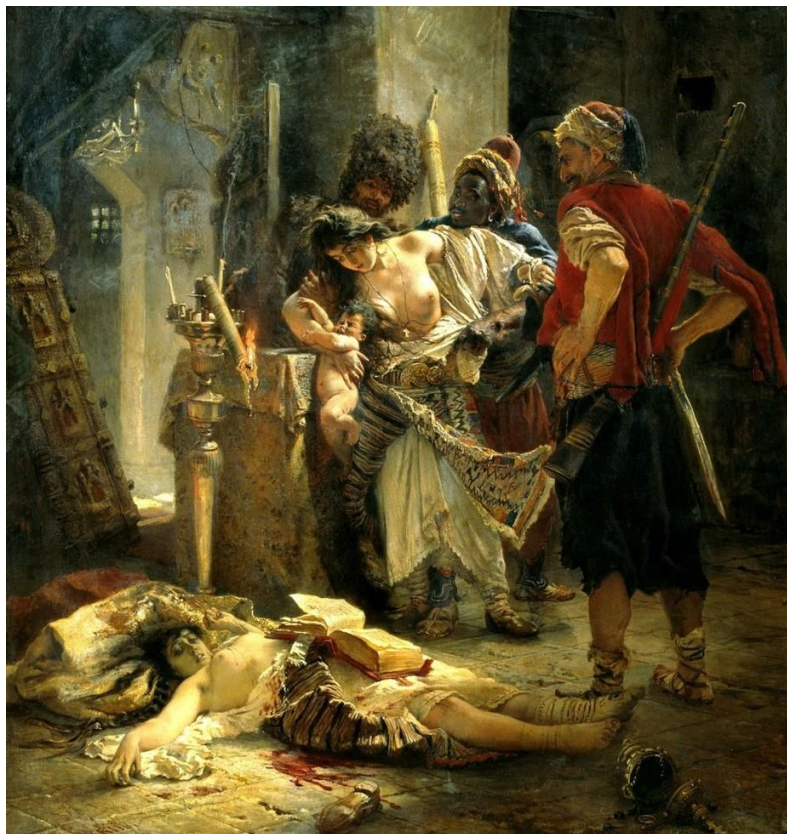
⁸⁵ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. С. 365–366.

Поправим память Бенуа, мальчиком запомнившего эту историю. Картина Маковского называлась «Болгарские мученицы», и была написана идеологически и гендерно правильно. Жертвами были красивые белые женщины, чьи полуобнаженные тела привлекали взгляд эстета. Налицо была определенная сексуализация сцены военных ужасов⁸⁶. Злодеи были ходульными персонажами: это башибузуки, один из которых – черкес, второй – албанец, а третий – негр. Картина Маковского была «постановочной» от начала и до конца: в качестве одной из жертв изображена молодая, ослепительно красивая жена художника, в роли младенца – их сын. Сравним с «Победителями» и «Побежденными» Верещагина, где обнаженные тела гвардейцев-егерей, мужчин, а не красивых женщин, не несут ровно никакого сексуального посыла. Наоборот, сама мысль, что проигравшими стали белые мужчины, русские, а победителями – люди Востока, смуглые турки, казалась правящей элите абсолютно неправильной. Вот слащавые «Болгарские мученицы» устраивали российский истеблишмент, поскольку вызываемые ими эмоции способствовали формированию сочувствия братьям-славянам, правильным патриотическим настроениям периода русско-турецкой войны. И слезы сентиментального Александра II были совершенно естественной реакцией. Это не «Забывтый» Верещагина, грозный бесчестьем мундиру. Это было изображение страдающих белых женщин, а варварами выступали турки. Как писал сам художник,

Современная цивилизация скандализировалась, главным образом, тем, что турецкая расправа производилась близко, в Европе, а затем, и средства совершения зверств чересчур напоминали тамерлановские времена: рубили, перерезали горло, точно баранам⁸⁷.

⁸⁶ В современных исследованиях отмечается, что рассказы о сексуальном насилии выполняют важную функцию в демонизации врага. В качестве метафоры сексуальное насилие также представляет собой репрезентацию захвата территории и неспособности мужчин защитить свою Родину. Таким образом, насилие над женщинами превращается в посягательство на мужскую и национальную честь, и происходит сложный переход от реальных женских тел и опасностей, которым они подвергаются, к националистическому дискурсу, использующему образы женских тел для обозначения национальных или общинных границ. – См. подробнее: *Schick Í.C. Christian Maidens, Turkish Ravishers: The Sexualization of National Conflict in the Late Ottoman Period // Women in the Ottoman Balkans: Gender, Culture and History / edited by A. Buturović, Í.C. Schick. London; New York: I.B. Tauris; Palgrave Macmillan, 2007. P. 277.*

⁸⁷ *Верещагин В.В. На войне. С. 122.*

К. Маковский «Болгарские мученицы» (1877). Национальный художественный музей
Республики Беларусь

Источник: Национальный художественный музей Республики Беларусь.

URL: <https://artmuseum.by/ru/collection/russkae-mastatctva-xviii-pachatku-xx-v/bolgarskie-muchenitcy?ysclid=m6jbjtor9464252378>

Зарисовка седьмая, итоговая

Юрист А.В. Жиркевич, организовавший выставку картин Верещагина в Вильно в 1900 г. и много общавшийся с художником, писал, что

у Верещагина с каждой картиною была связана масса воспоминаний; над всеми ими он видимо много передумал, перечувствовал, прежде чем приступить к исполнению...⁸⁸

В дневнике Жиркевич следующим образом описывал творческую манеру Верещагина:

Вообще он – враг эскизов, этюдов, писал их сравнительно мало, и те 40 этюдов, которые набросаны им в боевой обстановке, потеряны. Картина путем особой психологической продолжительной работы складывается у него постепенно и в один прекрасный день является перед ним вся до

⁸⁸ Жиркевич А. Василий Васильевич Верещагин: по личным воспоминаниям // Вестник Европы. 1908. Т. 2, кн. 4. С. 522.

малейших деталей! Когда он писал картины из Русско-Турецкой войны, то перед ним вырисовывались эпизоды этой войны, сами собой слагались картины, и в один прекрасный день он явно увидел перед собой ряд будущих своих картин... Оставалось только сесть и писать. При этом Верещагин редко изменяет детали – насколько все, даже до световых эффектов включительно, навсегда укладывается в его художественной памяти. Когда картина созрела в голове, то Верещагин садится и прямо пишет картину, лишь кое-где проверяя детали на моделях. По его признанию, память у него удивительная, и до сих пор он может представить любую сцену из всей его жизни, оставивших на него впечатление, в мельчайших деталях, будучи уверен, что общий тон, световые и теневые эффекты, положения отдельных лиц, целой группы – все это выйдет почти фотографически верно. (Я вчера назвал такую память его «страшной»)⁸⁹.

«Страшная» память Верещагина позволила ему написать одну из самых глубоких в его творчестве картин – «Побежденные. Панихида». Вызывавшая споры у современников, эта картина не получила адекватной оценки и в советском искусствоведении. Когда А.К. Лебедев, в 1960-е гг. написавший масштабную рукопись о Верещагине, попробовал назвать художника одним из лучших мастеров, описавших ужасы войны, ему ответил влиятельный критик-искусствовед Д.В. Сарабьянов:

И совокупность картин Верещагина не может сравниться с двумя произведениями Гойи. В искусстве решает не количество, а только качество. Гойя принадлежит к числу гениальных художников, каких немного было во всей мировой истории искусства. Этого, конечно, нельзя сказать о Верещагине⁹⁰.

Мне представляется, что в картине «Побежденные. Панихида» Верещагин до высот гениальности поднялся.

⁸⁹ Избранные страницы из дневника А.В. Жиркевича о В.В. Верещагине. 1900–1901 годы // Наследие А.В. Жиркевича (1857–1927). URL: <http://nasledie-zhirkevich.ru/krug-obshheniya/vereshagin-v-v/izbrannye-stranicy-iz-dnevnik-a-v-zhirkevicha-o-v-v-vereshhagine-1900-1901-gody/> (дата обращения: 11.10.2024).

⁹⁰ Отзыв Д.В. Сарабьянова на рукопись А.К. Лебедева «В.В. Верещагин» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2711. Оп. 4. Д. 313. Л. 13.

Sketch 1, the introductory one

The Russo-Turkish War of 1877–78 and its generally successful for the Russians military background has received considerable reflection in historiography.¹ However, in this article, I would like to focus my attention on one sad, even bitter episode of this military campaign. We are not going to talk about the second or even the third attack on Plevna, which was timed to coincide with the emperor's birthday and ended in the disaster for the Russian arms. In the center of our attention is a small episode associated with the unsuccessful attack of the Life Guards Jaeger Regiment on the positions of the Turks near the village of Telish. This episode led to the appearance of the painting *Defeated. Memorial Service* by Vasily Vereshchagin, and we are going to consider the subsequent reflection of contemporaries on this work of the artist.

Sketch 2, the military one

When presented as emotionless as possible, the eventual background of the battle of Telish, is as follows. After three unsuccessful attacks on Plevna and hesitation about the prospects of retreat of the Russian troops, a decision was made to abandon direct offensives and break the enemy's resistance by siege. It was the decision on which Minister of War D. Milyutin insisted. To head the siege, General E. Tottleben, an engineer and a hero of the defense of Sevastopol during the Crimean War, was called from St Petersburg. He pointed out that it was necessary to cut off all sources of supply to the Turks in Plevna, especially the Sofia highway, through which Osman Pasha's army received the main supplies. The Turkish fortified points of Gorni Dubnik, Dolni Dubnik, and Telish protected this transportation route. The task of their capture was to be solved by the newly formed detachment headed by I. Gurko, consisting of 50 thousand men with 170 guns. The Life Guards Regiment that had arrived at Plevna constituted the core of the detachment. Grand Duke Nikolai Nikolaevich, commander-in-chief of the active army, preferred that everything was

¹ *Description of the Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Balkan Peninsula* [in Russian] (St Petersburg: Voenno-istoricheskaya komissiya Glavnogo shtaba, 1901); L.A. Bogdanovich, comp., *Twenty-five Years of the Great War of Liberation. 1877–XXV–1902* [in Russian] (Moscow: Otdelenie tovarishchestva tipografii I.D. Sytina, 1902); I.V. Preobrazhenskii, *For Our Brothers, the Slavs. On the 25th Anniversary of the Sacred War of 1877–1878* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina, 1903); N.I. Belyaev, *The Russo-Turkish War of 1877–1878* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1956); I.I. Rostunov, ed., *The Russo-Turkish War of 1877–1878* [in Russian], (Moscow: Voenizdat, 1977); Ts. Genov, *The Russo-Turkish War of 1877–1878 and the Feat of Liberators* [in Russian] (Sofia: Sofia Press, 1979); V.A. Zolotarev, and M.N. Mezhevich, *The History of the Difficult Victory* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1979).

done “quickly and bravely, as he enjoyed.”² Therefore, the storm of the Turkish positions was scheduled for the following few days. The information about the enemy troops was collected very rapidly, and, as a result, the enemy forces in Gorni Dubnik and Dolni Dubnik were exaggerated, and those in Telish were underestimated. The seriousness of the fortifications of Telish was also underestimated.³

On 11 October, 1877, Adjutant General Gurko issued an order containing the following disposition,

Tomorrow, on October 12, the troops of the detachment delegated to me are to move to the Pleven-Sofia highway in order to take a position near Gorni Dubnik, fortify themselves on it, and thereby ensure the blockade of the enemy troops gathered in Pleven. For this purpose,
... 4). The Life Guards Jaeger Regiment with its artillery and the 2nd Brigade of the 2nd Guards Cavalry Division (four battalions, eight foot guns, seven squadrons, six horse guns and one company of one hundred men) is to march at 6 1/4 a.m. with one company of one hundred men and attack the enemy position near Telish.⁴

Initially, the role of the Life Guards Jaeger Regiment's attack near Telish was not that important. The main attack was planned on Gorni Dubnik nearby, and the Jaeger Regiment was to prevent the approach of additional enemy forces from Telish. Apparently, the command decided to conduct a false attack (a demonstration) to divert the attention of the Turkish command before the main forces attacked the village of Gorni Dubnik, which was of greater importance. For such a false demonstration, the Jaegers were more suitable than anyone else. A. Smirnov, a well-known researcher of the history of the Russian Guards, noted that the Jaeger Regiment were characterized by a special “modest pride” and exceptional spirit of “being Jaegers.”⁵ The Jaegers did not have an especially athletic build, but were agile and light, they clearly reproduced the previously established pattern of behavior, reflected in the song written by the famous artist P. Fedotov, “A jaeger is small, but he is good. A jaeger is on the back of the parade, and when there's a fight, he's in the

² Cited in *History of the Life Guards Jaeger Regiment for a Hundred Years. 1796–1896. Compiled from Archival Documents and Other Sources by Officers of the Life Guards Jaeger Regiment* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno, 1896), 380.

³ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 401.

⁴ “October 11” [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 2, *Log of Military Operations, Conducted in the Field Headquarters* (St Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1898), 438.

⁵ A.A. Smirnov, “Individual Traits of the Russian Guards Infantry Units in the Early 20th Century” [in Russian], *Prostranstvo i vremya*, no. 2–3–4 (28–29–30) (2017): 153.

front line.”⁶ The demonstration had to be natural, so the Jaeger Regiment were not warned about the nature of their attack. It should be noted that when a collection for the centenary of the Jaeger Regiment was created in the 1890s, the authors and officers discussed the point whether the regiment was tasked to capture Telish or simply to demonstrate the intention to capture it. For the Jaeger Regiment this point was of principle because if the goal was demonstration, the regiment coped with the task perfectly, albeit at a very high cost. But if it was to capture and hold Telish, everything looked different. The regiment did not fulfill the order, and it was a disgrace for the Jaegers.⁷

As recalled later, Gurko described the situation to the commander of the Jaeger Regiment A. Chelishchev in approximately the following way,⁸

The task set for you, Colonel, is *not a difficult one* There is only *a few companies of infantry* in the Telish fortifications, and with the forces I am putting at your disposal it will be *easy* for you to seize them.⁹

Another military commander, the temporary commander of the 1st Guards Division, Major General O. Rauch, explained the task set for the Jaeger officers as follows,

It is seldom that a regiment is so fortunate as to be alone in an engagement. . . The Turks open fire at long distances and shoot a lot, but not accurately, so the worst damage their fire does would be at the distance of 2000–800 paces; it is therefore sensible to run faster through this dangerous space and the losses will be greatly reduced. Moreover, the Turks almost never withstand our accurate fire from close distances and our bayonets.¹⁰

Officer E. Lund understood these words of the general as a promise that “the Turks could simply be taken with their bare hands.”¹¹

With such a bragging confidence of easy victory did the Jaeger Regiment go into the battle on October 12. The routs to Telish were occupied by a huge cornfield, and the men on foot were completely hidden in the corn, so that the soldiers could see

⁶ Cited in Smirnov, “Individual Traits of the Russian Guards Infantry Units,” 153.

⁷ For more on whether it was an attack or just a “demonstration,” see *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 427–33.

⁸ Aleksei Chelishchev (1836–94), a commander of the Life Guards Jaeger Regiment between 1876 and 1880.

⁹ Cited in *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 401.

¹⁰ Cited in *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 403.

¹¹ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 403.

neither the enemy nor the neighboring companies, and it was impossible for the commanders to direct the battle.

Under such conditions the only salvation was in the rapidity of the attack. The chain of began to make frequent runs, sending only occasional bullets in the direction of the rising smoke. The reserves followed it almost unceasingly. Thus, the offensive took on the character of the familiar Krasnoe Selo military drill.¹²

This was the description of the battle by surviving participants of the event almost twenty years later,

It was a pleasure to watch the advancing companies: silence, tranquility, the men were marching in step like during a drill, officers ahead of their companies; the men behaved excellently, the officers were truly heroic and even too forward.¹³

Let us pay attention to the phrase “the character of the familiar Krasnoe Selo military drill.” The Jaeger Regiment did move as during a military drill, but they suffered terrible losses because it was not a drill but a real battle. The Turks fired non-stop from their fortifications, not sparing cartridges, and the advancing Jaegers had nowhere to hide from their barrage fire. Self-entrenchment was hardly ever used in this battle. The support of the Russian artillery was too weak.

The brave Jaegers were advancing in agreement, quickly, led by their heroic commander, marching in the ranks of the head companies. But even this selfless valor and courage could not break the force of enemy fire and the battalions halted, lying down about 100 paces from the rampart.¹⁴

As a result,

the whole field, as far as the eye could see, was covered with corpses. The wounded staggered and crawled back. The remaining soldiers instinctively clung to the few surviving officers. There was nowhere to wait for help.¹⁵

¹² *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 414.

¹³ “The Affair near Telish” [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Balkan Peninsula*, iss. 58. *Diaries, Journals and Essays on Military Actions of the Units of the 1st Guards Infantry Division* (St Petersburg: “Stolichnaya Skoropechatnya” S.Kh. Zolotukhina, 1906), 84.

¹⁴ “Relation on the Actions near Telish” [in Russian], *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 48, *Actions on the Western Front from October 6 to October 12, 1877* (St Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1906), 323.

¹⁵ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 420.

The commander of the Jaeger Regiment gave the order to retreat. The cavalry was to cover the infantry's retreat and allow the wounded to be gathered from the battlefield.

Other Russian military units in the neighborhood showed respect for the courage of the Jaeger Regiment. The Leib-Hussars solemnly greeted the banners of the Jaegers returning from the battlefield,¹⁶ saluting "the brave men. . . by trumpeting 'March'"¹⁷ The history of the 5th Cavalry Battery states that,

the Jaegers did everything that depended on them, even more. . . With the same heroism they went to the attack and with the same selflessness they returned wounded; those who could drag themselves (not only walk) did not permit to carry them; when they gathered together, they were sure to start a song. We were particularly struck by one group, where the lead singer was a man wounded by two bullets in the hand and shoulder, and in spite of the pain, he – bloody, sweaty, dusty, with blood on his lips from exhaustion and thirst – was singing a dashing soldier song.¹⁸

It was the quintessence of the Jaeger's spirit: to go into battle as during a military drill and not to pay attention to wounds. The losses in the Jaeger Regiment were enormous: 8 officers and 427 lower ranks were killed, 19 and 458 wounded, respectively (thus, 57% of officers and 42% of lower ranks were out of service).¹⁹

Flying cavalry detachment of Adjutant Colonel Orlov witnessed the attack of the Life Guards on Telish. The task of the detachment was to demonstrate (exact wording in the document. – *O. S.*) on the Sofia highway, diverting the attention of the Turks. Orlov, who returned from his assignment on October 14, reported that,

the attack near Telish, where there were up to 6 tabors in the redoubt, was undertaken, firstly, by extremely small forces (2,100 Russians near Telish were opposed by more than 4,000 Turks. – *O. S.*), and secondly, it was carried out without any preparation by artillery, whereas at a sure cannon shot from the redoubt there was an excellent dominant position for it. Besides, the Leib-Hussars and Dragoons behind the Life Guards Regiment remained indifferent spectators at the time when the Jaegers, who occupied the advanced Turkish trenches, were attacked from the flank by the Circassians. Independently, much was reported about the gathering of the wounded, which was rather ill-timed. Thus, there were the wounded who remained in the nearby woods all night

¹⁶ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 422–23.

¹⁷ "Relation on the Actions near Telish" [in Russian], *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78*, iss. 48, 323.

¹⁸ Cited in *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 424.

¹⁹ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 433–34.

without dressing. Much was also reported about the indifference of the doctors of the 2nd Guards Division, who were found sleeping in an izba at 2 a.m., while more than 1,000 wounded groaned at the dressing station.²⁰

That is, the reasons for the defeat of the Jaeger Regiment were obvious to all eyewitnesses of the events.

Sketch no. 3, the memorial one

For the battle of Telish, the Life Guards Jaeger Regiment was awarded an insignia on its headdresses with the inscription “For Telish on October 12, 1877.” The awards were given to all surviving officers and many lower ranks.

Insignia for the headdress of the Life Guards Jaeger Regiment

Source: Information Agency “Krasnaya Vesna.”

URL: <https://rossaprimavera.ru/static/files/deb70598a302.jpg>

During the crossing on October 13, the regiment met the commander-in-chief, Grand Duke Nikolai Nikolaevich. He thanked the Jaegers for the “brave attack near Telish.”²¹ Thus, the tone was set for the attitude towards the outcome of the battle of Telish: “a brave attack.” This was the opinion of the military. The public judged differently. War correspondent V. Nemirovich-Danchenko stated: “. . .our losses there were not justified by anything. They were not necessary.”²² Surprisingly, this point of view was much closer to the position of the emperor than to the assessments of the military. On October 23, making a review of the Life Guards, Alexander II

²⁰ *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 6, *Logs of Military Operations of the 3rd and 24th Infantry Divisions* [in Russian] (St Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1898), 25.

²¹ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 437.

²² V.I. Nemirovich-Danchenko, *One Year of War: (Diary of a Russian Correspondent), 1877–1878* [in Russian], vol. 1 (St Petersburg: Tipografiya V. Likhacheva i A. Suvorina, 1878), 223.

stood for a particularly long time by the Jaeger Regiment, thanking the men several times for the heroic attack near Telish. “And you, Chelishchev,” said the emperor to the regimental commander, “were a little over-excited, and have taken the demonstration too much to heart.”²³

However, it is noteworthy to clarify that Alexander II was saddened not only by the unreasonably high losses but also by the fact that these were Guardsmen, his favorites, many of whom he knew personally.

On October 14, I. Gurko came to the Jaeger Regiment with gratitude and decided that the new attack near Telish would be carried out in a completely different way, after appropriate preparation and “almost exclusively by artillery attack,” since upon close examination the Turkish position turned out to be fortified “very strongly.”²⁴ E. Totleben also agreed with this plan.²⁵ On October 16 the new attack near Telish began. Powerful and accurate fire of Russian batteries demoralized the Ottoman troops. I. Gurko reported that after “a two-hour long bombardment of the Telish positions, the whole garrison of Telish surrendered under the condition of personal freedom,” while our losses “in any case were insignificant.”²⁶ The ring of encirclement around Plevna was therefore closed.

The Russian formations that occupied Telish passed through the same cornfield where the battle of 12 October broke out. Nikita Efremov, a non-commissioned officer of the Austrian regiment, recorded in his diary:

When we started to approach the fortification, we saw the poor Jaegers whose bodies had not been gathered on 12 [October]. Some had probably been wounded, and afterwards had been tortured in various manners, e.g. crosses were cut on their breasts, foreheads, arms, shoulders. Some had their throats cut, and some were apparently burned. It seems that the fire burned on this one too, the soldier was naked, his back was all burnt and his face was twisted. He must have

²³ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 445.

²⁴ “Adjutant General Gurko to the Assistant Chief of the Western Detachment, October 13, 1877, no. 26” [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 49, *Actions on the Western Front from October 13 to October 21, 1877* (St Petersburg: “Stolichnaya Skoropechatnya” S.H. Zolotukhina, 1905), 4–5.

²⁵ “Assistant to the Chief of the Western Detachment to the Chief of the Troops of the Guard and Cavalry of the Same Detachment, October 14, 1877, no. 264, Tuchenitsa” [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 49, 38.

²⁶ “Telegram of Adjutant General Gurko to Adjutant General Totleben, October 16, 1877” [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 49, 94.

died that way. And all of them, as one, were naked, even their shirts were taken off.²⁷

Major-General A. Strukov,²⁸ adjutant of the commander-in-chief, saw the same picture near Telish. On October 17, he telegraphed to Grand Duke Nikolai Nikolaevich:

I have examined all the bodies of the hero Jaegers; all mutilated barbarously. Of all the wounded, not one was left alive. Tomorrow I will write with further details.²⁹

In a field note to Major General Bremsen,³⁰ this usually unemotional military man expressed his feelings:

I have seen a lot on my camping trip, but nothing like this. All the Jaegers who fell on 12 [October] were mutilated and slaughtered. *Il faut que votre aide de camp ne parle pas car cela fait un*³¹ terrible impression on people.³²

Immediately after the capture of Telish, teams of lower ranks of the Life Guards led by their officers arrived at the battlefield to organize the burial of the bodies of those who had fallen on October 12. "A sad picture presented itself to their eyes: most of their fallen comrades were horribly mutilated."³³ All this was despite the fact that the Geneva Convention on Prisoners of War was adopted as early as in 1864, and

²⁷ "Diary of Non-Commissioned Officer Nikita Efremov, 1872–1878," published by I.L. Zhuravskaya [in Russian], in *Russian Archive: History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th – 20th Centuries*, vol. 18 (Moscow: Studiya TRITE; Russkii Arkhiv, 2009), 469.

²⁸ Alexander Petrovich Strukov (1840–1911), adjutant of Grand Duke Nikolai Nikolaevich during the Russo-Turkish War of 1877–78; at the same time, he was awarded the rank of major-general and enrolled in His Imperial Majesty's Suite. He was known for his bravery.

²⁹ "Two Telegrams of His Imperial Majesty's Suite's Major General Strukov to the Commander-in-Chief, October 17, 1877, from Medevan to Bogot" [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 49, 154.

³⁰ Alexander Gustavovich Bremsen (1824–81), major general, commander of the 2nd Brigade of the 3rd Guards Infantry Division during the Russo-Turkish War of 1877–78.

³¹ It is necessary that your adjutant be silent, because it has. . . (in French).

³² "His Imperial Majesty's Suite's Major General Strukov to Major General Bremsen, October 17, 1877, at 19.30" [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 49, 179.

³³ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 440.

both Russia and Turkey joined it. Article 6 of this international legal treaty stated that,

the wounded and sick military ranks are to be collected and cared for without distinction founded on the nationality to which they belong.³⁴

A number of protocols were drawn up to record violations of the convention on the Turkish side. Following the orders of his commander, Gurko's orderly Prince A. Tseretelev³⁵ collected information about Turkish atrocities on our wounded:

As early as on October 12, during the retreat of the Life Guard Jaeger Regiment from near Telish, some of our officers saw the Turks killing our wounded. . . Upon the capture of Telish on October 16 none of our wounded was found. The bodies were hastily buried and most of them were mutilated, with ears and noses cut off or without heads. When asked about this, Ismail Haqi Pasha, who commanded near Telish, answered that he had never seen our wounded and if they had been killed, it was by Circassians and Bashi-bazouks who had fled from Telish on October 16. But then he confessed that Turkish officers kept the soldiers from committing atrocities and even shot at them. He received no special instructions from his government about the treatment of the wounded and prisoners. . . It is evident from the foregoing (1) that the Turkish troops did not remove our wounded from the battlefield; (2) that most of our wounded were mutilated and all without exception killed; (3) that the Turkish military authorities took no measures to save even one of our wounded and received no orders from Constantinople on this matter; and (4) that foreigners in the Turkish service confirm the atrocities proved by interrogation and search.³⁶

A separate report was sent to the commander-in-chief's headquarters and signed by the officers of the Life Guard Jaeger Regiment who had arrived to remove the bodies of the fallen soldiers from the battlefield. Among them were Captain Bogaevsky,

³⁴ *Geneva Convention of August 22, 1864 and the Additional Articles to It of October 20, 1868* [in Russian] (St Petersburg: V Tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1874), 5.

³⁵ Aleksei Nikolaevich Tseretelev (Tsereteli) (1848–83), a Georgian prince and diplomat. During the Russo-Turkish war, he was an orderly of M. Skobelev and then of I. Gurko. Later he was promoted to Consul General of Russia in Philippopolis (in 1878) and then in Plovdiv (in 1882). A bust of him was erected in the city of Batak (Bulgaria) with the inscription that wrote, "It is thanks to A. Tseretelev that the world first learned about the atrocities of the Turks."

³⁶ "Information about the Atrocities of the Turks on our Wounded Soldiers near Telish on October 12" [in Russian], in *Collection of Materials on the Russo-Turkish War of 1877–78 in the Balkan Peninsula*, iss. 49, 163–64.

Staff Captain Perepelitsyn the 1st, Lieutenants Demyanenkov the 2nd and Machikhin, Lieutenant Tigerstedt, Priest of the Life Guards Semenovskiy Regiment Kryukov, Commander of the 1st Brigade of the 3rd Guards Infantry Division Major-General Filosofov, Lieutenant Semenov of the Austrian Grenadier Regiment, and junior doctor of the Life Guard Jaeger Regiment Favorsky. They reported that

. . .all the bodies were naked, stripped completely; even the metal crosses were removed. Many of the corpses were terribly mutilated, and when the corpses that had been slightly covered by the earth by the Turks were dug up, all of them were mutilated even worse. Many who had had non-fatal wounds after the battle, were afterwards badly tortured and cut, so that many had as many as ten sabre blows on them, or had their throats cut. It was observed that all those who had galloons and were considered to be in charge received greater tortures: crosses were cut out on their heads, skin was cut off instead of galloons, and they were tortured in general, as it seems, still alive, for which the imprint of sufferings left on their faces speaks. It is not possible to describe all the atrocities of the Turks; it is enough to enumerate some facts which speak for themselves without any comments: (1) there were corpses with heads, hands, and ears detached; (2) many had skin cut out, Turkish inscriptions on their chests, and even whole sides cut out; (3) sides, arms, and legs were burnt; (4) many had crosses cut out with sabre on their heads; (5) many had their throats cut and most had been wounded with countless sabre and bayonet blows.³⁷

On October 19, A.B. Douglas, British doctors taken prisoner near the village of Telish, surgeon of the Red Crescent campaign hospital, and E.S. Wechell were questioned about their attitude to the Russian wounded. A report was prepared based on their testimonies:

On October 13. . . they examined carefully about 50 or 60 bodies, but saw many more than that. . . Almost all Russian bodies were naked, while the others had only torn and bloodstained shirts. The first thing they saw was a corpse whose head had been taken off. Next, they saw corpses that had been deeply wounded by numerous sabre blows. Many had had their noses and ears cut off; five or six had had their heads cut off. Those mortally wounded were only robbed; only those who had received wounds not so severe were mutilated. Two of the corpses had burnt bellies. Some had been wounded by revolver shots fired at point-blank range, so that the wounds were blackened with powder. No bodies with mutilated genitals were observed by those present at the inspection. . . It is to be presumed that most of these atrocities were committed in full view of the Turkish officers,

³⁷ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 441.

as some of the bodies lay at a distance of fifty paces from the battery and generally not far from points from which they could be seen by the officers.³⁸

What was the reason for such extreme cruelty of the Turks? According to the testimony of V. Nemirovich-Danchenko, Alexander II asked about it Hivzi Pasha who used to command the garrison of Mali Dubnik. “He blushed deeply. It is Circassians and Bashi-bazouks. We do not spare them ourselves, but we can do nothing about them. We shot them for that. It was not only Russians that they did not spare, they did not spare their own wounded either, they rob them.”³⁹

These facts were brought to the public attention by several war correspondents, which was especially important, since a real ideological struggle unfolded during the Russo-Turkish War, and the subject of the “atrocities” on both sides was among the main themes of the campaign. According to contemporary researcher S. Kochukov,

At the very beginning of the war, foreign media tried to portray Turkey as the object of aggression and to shift all the blame for the outbreak of hostilities on Russia. For example, referring to foreign sources, the newspaper *Nedelya* published an article under the title “On Russian Cruelties,” which vividly depicted the atrocities committed by the Russian soldiers.⁴⁰

The war correspondents who went to the Balkans testified to Turkish atrocities. Prince L. Shakhovskoi wrote an item for the *Moskovskie Vedomosti*, which impressed even K. Pobedonostsev and his closest confidants. In a letter to Tsesarevich Alexander Alexandrovich, Pobedonostsev argued:

To my mind, there is something special in this whole war. The soldiers are apparently carrying the whole thing on their shoulders more than ever before. This time they seem to be not just pawns on a chessboard but animated and intelligent actors. I am intentionally sending you a page from the *Mosk. Ved.* with an item by Prince Shakhovskoi about the affair at Gorni Dubnik. In this correspondence, I was struck by the role that the simple soldier plays in everything: it is astonishing and gives rise to many thoughts. Today I have dined at the Empress' together with Countess Bludova, Urusov, and Grot, took this

³⁸ Cited in *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 441–42.

³⁹ Nemirovich-Danchenko, *One Year of War: (Diary of a Russian Correspondent)*, vol. 1, 212–13.

⁴⁰ Kochukov, S.A. “An Unknown Correspondent of the Known War (War Correspondent Prince L. Shakhovskoi on the Balkan Front of the Russo-Turkish war of 1877–1878)” [in Russian], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 13, iss. 1 (2013): 17.

correspondence with me, and read it after dinner, and it seems that the Empress was very interested in the story.⁴¹

In 1878, V. Nemirovich-Danchenko published the book *One Year of War: (Diary of a Russian Correspondent), 1877–1878*, in which he devoted the following lines to the atrocities committed by the Turks:

Near Telish, the Turks proved themselves worthy comrades of Suleiman Pasha's executioners. The Turks had cut crosses on the cheeks, backs and arms of the wounded who had a longitudinal patch for exemplary firing, which formed a cross with the sergeant's patch on their epaulettes. The Turks also cut crosses, cut off the skin, and made fires on their chests. Soldiers of the Life Guard Jaeger Regiment were found with burnt legs. Many of the wounded were buried alive. Some had their genitals crushed; many had their noses cut off. . . There was so much agony on the faces of the corpses we found, so much suffering – apparently, before the last blow these brats of humanity had made them endure everything that the imagination of a demon could create; the horrors of medieval torture are rather soft before the atrocities of these friends of England.⁴²

On October 18, the funeral of the Jaegers killed near Telish took place. The officers were buried separately, with proper honors, in a grave dug on one of the mounds; the lower ranks were buried on the battlefield in three common graves. A monument was subsequently erected there.⁴³

⁴¹ *Letters from Pobedonostsev to Alexander III* [in Russian], vol. 1, foreword by M.N. Pokrovskii (Moscow: Novaya Moskva, 1925), 97.

⁴² Nemirovich-Danchenko, *One Year of War: (Diary of a Russian Correspondent)*, 219.

⁴³ *History of the Life Guards Jaeger Regiment*, 442–43.

Monument to the officers of the Life Guards Jaeger Regiment
who died in the battle of Telish on October 12, 1877
Source: Runesalis. URL: https://руни.рф/Файл:Паметник_Телиш2.jpg

Two mass graves of the lower ranks of the Life Guards Jaeger Regiment
who died in the battle of Telish on October 12, 1877
Source: Runesalis. URL: https://руни.рф/Файл:Костница_Егерски_полк1.jpg

Sketch 4, the artistic one

Vasily V. Vereshchagin, already a well-known artist at that time, was commissioned by critic V. Stasov to serve as a war painter at the Russian army headquarters. He got to the area of Gorni Dubnik and Telish on the second day after its occupation by the Russian troops. Prince L. Shakhovskoi,⁴⁴ a war correspondent, was there with him and left a detailed description of the field covered with the bodies of the Jaegers killed and tortured by the Turks on October 12⁴⁵ and a detailed description of the funeral held on October 18.⁴⁶ Shakhovskoi also documented the painting that would later appear among Vereshchagin's canvases,

The Turks had gathered those mutilated alive together and covered them with a thin layer of earth, probably so that the atrocities they had committed would not be too conspicuous in the event of a new Russian arrival.⁴⁷

In a letter to Stasov, written soon after that, Vereshchagin described his feelings that were quite similar to the emotions of A. Strukov, adjutant of the commander-in-chief, whom Vereshchagin had met on that sad field,

I am at a loss to express to you the impression made by the mass of several hundred of our Jaegers who fell near Telish and were mutilated by the Turks. On the ground, there were a dozen or three or four of them, though stripped naked, but not beaten; and in separate masses, covered with earth, lay bodies beaten in every possible way: some had their throats or back of their heads cut, their noses and ears cut off, some had pieces of skin cut out, either oblong or in neat circles; some had their chests or other places set on fire and burned. When these

⁴⁴ Lev Vladimirovich Shakhovskoi (1849–97), prince, a journalist, contributor of such periodicals as *Russkii vestnik* [Russian herald] and *Moskovskie vedomosti* [Moscow news], a military correspondent in the active army in the Balkans during the Russo-Turkish war of 1877–78.

⁴⁵ In the letter to Stasov as of October 19/31, 1877 from Gorni Dubnik, Vereshchagin reported, “I think that these atrocities should be made public, and I told about them in detail to the correspondents of the *Novoye Vremya* Ivanov and of the *Moskovskie Vedom[osti]* Pr[ince] Shakhovskoi, who were with Gurko's detachment but had no chance to see this sea of mutilated bodies” (Correspondence of V.V. Vereshchagin and V.V. Stasov [in Russian], vol. 1, 1874–1878, ed. A.K. Lebedev (Moscow: Iskusstvo, 1950), 197). It appears that either Vereshchagin did not know about the presence of Shakhovskoi nearby, or, as was customary with Vereshchagin, he somewhat “stressed out” his role in front of Stasov, or Shakhovskoi wrote everything down from Vereshchagin's words and had not been near Telish at all. The issue requires further research.

⁴⁶ See L.V. Shakhovskoi, *From the Theatre of War of 1877–1878. Two Campaigns for the Balkans* [in Russian] (Moscow: V Universitetskoi tipografii (M. Katkov), 1878), 128–31.

⁴⁷ Shakhovskoi, *From the Theatre of War*, 129.

unfortunates were dug up from the earth thrown over them, something so savage appeared that it is difficult to put into words. That it was not done by Circassians is evident from the fact that the uniforms of our fallen Jaegers were found in the trenches and dug-outs of the regular army. It is evident that the Turks knew what they were doing from the fact that they took measures to conceal their atrocity.⁴⁸

While being there, Vereshchagin made several sketches from the scene in his field album,⁴⁹ but these sketches have not survived. Later, beginning work on paintings devoted to the Russo-Turkish war, Vereshchagin realized that he lacked some “pictures in his head” and went to Bulgaria twice more in 1879–80, making numerous sketches at the sites of former battles. These impressions of the Russo-Turkish war resulted in Vereshchagin’s Balkan series of paintings, created in Paris in 1878–1879 in parallel with the paintings of the Indian series. Vereshchagin left notes on the process of working on the paintings:

after Bulgaria, while working on an Indian mosque or a procession of elephants, I thought of the wounded, their dressing, the fallen Jaegers, etc., and, I confess, I cried almost every day.⁵⁰

It is characteristic that it is the Jaegers who are mentioned in this collection of bitter impressions and memories. If the sight of the field with their mutilated bodies so much struck the military at the time, one can only guess how it was imprinted in Vereshchagin’s “scary” memory. And for him everything was still complicated by his personal drama. At Plevna, many months after the third attack, he searched for the body of his dead younger brother Sergei but never found it. He saw many abandoned bodies of dead Russians already touched by decay, but his brother was not among them. . .

It also occurred to me that perhaps my brother was not killed but only badly wounded and left dead on the battlefield!⁵¹

⁴⁸ “To V.V. Stasov [Near Plevna]. 17 (29) October [1877]” [in Russian], in *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, comp. A.K. Lebedev (Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1981), 63–64.

⁴⁹ A.K. Lebedev, *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Life and Work. 1842–1904* [in Russian] (Moscow: Iskusstvo, 1958), 180.

⁵⁰ Lebedev, *Vasily Vasilievich Vereshchagin*, 187.

⁵¹ V.V. Vereshchagin, *At War: Memories of the Russo-Turkish War of 1877 of Painter V.V. Vereshchagin* [in Russian] (Moscow: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1902), 111.

After the sight of the mutilated Jaegers on the field near Telish, how heavy those thoughts must have been!

Since Vereshchagin had not only artistic but also literary talent, he wrote literary sketches about his travels, and we have the opportunity to compare the textual and visual series. This is how the description of a trip to the field near Telish looks like:

I went to Telish to look at the place where our Jaegers had fallen. I turned off the highway to the left and came to a flat place, sloping away from the fortification, covered with tall, dry grass, in which at first sight nothing could be seen. The weather was cloudy, unfriendly, and against the dark background of clouds two figures, clearly outlined, attracted my attention: they were a priest and a deacon from among the soldiers, performing the divine service. I got off my horse and, taking it under the reins, approached the praying people who were administering the memory service. It was only when I came very near that I could make out for whom the service was being held: in the grass I could see several heads of our soldiers, evidently cut off by the Turks. They were lying in disorder, covered in mud but still with gaping cuts on their necks. When the service was over, I said greeted the priest, who said to me with some irritation,

“Shame, shame!”

“Shame indeed,” I repeated to him, believing that he was referring to the heads of our soldiers lying at his feet.

“And we don’t know when we shall get it all.”

“Get what, father?” I asked him again, not understanding his phrase.

“But, excuse me, – our vestments! Everything has fallen behind, and we do not know when it will be as it should be, and is it not a shame that I serve the funeral service in festive vestments?”

I confess that it was only then that I noticed that the venerable priest was wearing red and gold vestments. The priest and the deacon drew my attention to many little hillock scattered around us; heads, hands, and most often feet were sticking out of each hillock, near which hungry dogs were fussing here and there, and at night probably wolves and jackals were at work. It was evident that the bodies had been hastily thrown into the earth, just to hide the evidence.⁵²

When the bodies were dug up by a team of gravediggers and prepared for burial, came to the terrible field Vereshchagin once again:

On a vast field lay the Guards, close to each other; tall, handsome people, one young man near another young man, all stripped naked, they became pink and blue in a few days. About 1500 corpses in different poses, with different

⁵² Vereshchagin, *At War*, 151–52.

expressions on their dead faces, with their heads thrown and bowed down, some with their hands raised. Those lying in the foreground were clearly visible, the next ones were more or less covered by the grass stalks, and the farther ones were almost completely invisible because of the grass, so it looked as if the whole vast space up to the horizon was covered with corpses.⁵³

In 1879, an exhibition of Vereshchagin's paintings of the Indian and Balkan series was held in Paris. Among the paintings of the Balkan series there were works related to the battle of Telish: *The Victors* and *Defeated. Memorial Service*. First of all, these paintings provoked accusations of Vereshchagin's lack of patriotism.

V.V. Vereshchagin, *The Victors* (1878–1879). Kiev Museum of Russian Art
Source: Gallerix.ru. URL: <https://gallerix.ru/album/Vereshagin/pic/glrx-527642822?ysclid=m6j3y3di2x452586948>

This is how A. Lebedev, a leading Soviet expert on the work of Vereshchagin, describes the painting *The Victors*:

The painting *The Victors* depicts a field near the village of Telish covered with the bodies of fallen Russian soldiers. On the field there are Turkish marauders, killing the wounded, undressing the dead, celebrating their victory. . . In the middle of the painting, attracting the main attention of the viewer, the author depicted a group of marauders. A big brute with a smirking face is trying on the uniform of a Russian officer, amusing the accomplices of the crime with his appearance. The figure of the “robed” Turk attracts the attention, gestures and gazes of all those around him: another Turk who salutes the “guised” Turk in

⁵³ Vereshchagin, *At War*, 153.

mockery, and the one who even bends over out of curiosity wishing to get a better look at the trophy, and the envious one who regrets that he did not get the rich uniform himself not letting go of the pockets of the decapitated jaeger and therefore casts an unfriendly glance at the successful rival. . . The figure of the guised man – the compositional focal point of the canvas – seems to absorb all the moods of the “victors”: reckless feast on blood, monstrous cruelty, thirst for greed.⁵⁴

Of course, Vereshchagin did not witness the marauders' sabbath in the field near Telish, but his vivid imagination allowed him to visualize such a picture in his head and then transfer it to canvas. The artist added the following caption to the painting:

After the capture of Telish, many of the captured Turks were dressed in the uniforms of our jaegers who had been knocked out from the fortification the day before. Some of them were even in officers' uniforms, which did not go well with their dark, stupidly grinning faces. Immediately after the retreat of the surviving half of our regiment, the victors came out of the fortification, stripped those who remained on the battlefield and got dressed up in their clothes. . .⁵⁵

V.V. Vereshchagin. *Defeated. Memorial Service* (1878–1879).

State Tretyakov Gallery

Source: State Tretyakov Gallery. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8427>

⁵⁴ Lebedev, *Vasily Vasilievich Vereshchagin*, 194–95.

⁵⁵ *Exhibition Catalogue of Paintings and Sketches by V.V. Vereshchagin* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya (A. Benke), 1880), 12.

The painting *Defeated. Memorial Service* was not modeled in the artist's head like the previous one but is a fixation of an episode seen by the painter himself. A. Lebedev described this painting as follows:

Through the leafless bushes, through the yellowed, dried grass, the viewer sees naked human bodies that have already softened and lost their natural shape. A closer look at the corpses reveals traces of horrific torture by the Turks. Here is a severed head, there – a body with pieces of skin cut out, and there – a corpse with traces of mutilation, and so on, without any beginning and end. The priest of the regiment in the presence of a soldier performs a memorial service near a freshly dug mass grave for soldiers who had died a martyr's death. . . The gloomy, leaden grey sky covered with thick clouds, turning ominously blue towards the horizon, shades the tragedy of the scene. Dry grass, wretched bushes – all this autumnal, withered nature – shade furthermore the deadness of the battlefield and torture in the painting, intensifying the mood of oppressive, hopeless sadness.⁵⁶

The accompanying inscription from Vereshchagin read:

All our wounded soldiers, without any exception, had been previously slaughtered and mutilated by the Turks, and together with the dead were robbed and stripped naked. Their comrades, the Jaegers, gathered the bodies scattered on the battlefield and laid them side by side near the common grave. . . The priest was performing a funeral service. . .⁵⁷

Of course, both paintings should be viewed together; only in conjunction they make a complete impression because they show the same field near Telish with a difference of several days. The first one shows October 12, the day of the first battle, which was unsuccessful for the Russians. The second painting shows October 17–18, when the bodies of the dead and tortured Jaeger were prepared for the funeral and buried. Other paintings in the series also form special bundles of two or three paintings each. It is not surprising that the artist wanted the whole series to be in the same hands in one collection. He hoped for the acquisition of paintings by P. Tretyakov, who had previously bought paintings of the Turkestan series. Interested in absentia in the acquisition of Vereshchagin's paintings, Tretyakov suggested that the central subjects should be associated with the sacrifices of the Russian people, the exploits of its troops, the images of individual personalities. However, Vereshchagin

⁵⁶ Lebedev, *Vasily Vasilievich Vereshchagin*, 196.

⁵⁷ *Exhibition Catalogue of Paintings and Sketches by V.V. Vereshchagin*, 12.

hoped to oppose the “terrible spirit of war” with his art and did not mean to create any hurrah-patriotic works.⁵⁸

Sketch 5, the one on reflection

In February 1880, an exhibition of Vereshchagin's paintings opened in St Petersburg. The name “The Balkan series” was not used at all. The artist's works were listed in the catalogue as “paintings of the last Russo-Turkish war.” A number of works of art had explanatory captions full of sarcasm (for example, “All is quiet on Shipka”). Thus, Tsesarevich Alexander Alexandrovich, having previously received the catalogue of Vereshchagin's Paris exhibition, wrote in a letter to Alexei P. Bogolyubov that,⁵⁹

Reading the catalogue of Vereshchagin's paintings and especially the text accompanying them, I could not hide that it was disgusting to read his usual tendentiousness, contrary to national pride, and one can conclude one thing from them: either Vereshchagin is a brute, or a completely insane person!⁶⁰

In an oral conversation with Bogolyubov, Grand Duke Alexander Alexandrovich noted

War has always existed, exists and will always exist – either for the offended honor of a nation or for something else – and such wounds of humanity should not be treated with vulgar images of a speculator for his own fame.⁶¹

Following the insistence of Grand Duke Vladimir Alexandrovich, President of the Academy of Arts, explanatory captions were removed from the paintings of the Balkan series was.

Over 200,000 people visited the exhibition in 40 days.⁶² The excitement in society was incredible and the exhibition was “the talk of the town.”⁶³ Nine-year-old

⁵⁸ “To V.V. Stasov. Paris. April 19. May 1. [1879]” [in Russian], in *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, 95–96.

⁵⁹ Alexei Petrovich Bogolyubov (1824–96), a Russian realist painter who lived in France for many years. On behalf of the St Petersburg Academy of Arts, he was a guardian for Russian pensioner artists. He was close to the emperor's court.

⁶⁰ Cited in *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, 238.

⁶¹ Cited in P. Kuzenkov, “Vereshchagin and the War” [in Russian], in V.V. Vereshchagin, *Skobelev. The Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Memoirs of V.V. Vereshchagin* (Moscow: DAR, 2007), 13.

⁶² Kuzenkov, “Vereshchagin and the War,” 13.

⁶³ A.N. Benois, *My Memoirs* [in Russian], ed. D.S. Likhachev, vol. 1, bk. 1–3 (Moscow: Nauka, 1980), 250.

Alexander Benois was brought to the exhibition by his mother, who was generally quite indifferent to art. He had to stand in line, enter the hall packed with people and –

I saw the *Memorial Service on the Battlefield*, and this painting struck me to the depths of my soul. Strangely enough, it had both a repelling and an attractive effect on me. Some very nervous children are attracted to everything that “smells of death,” and at that time I was distinguished by this strange, inexplicable peculiarity to a great extent. That is why I was dumbfounded when I saw this field, on which, instead of grass or ploughed earth, grey-yellow naked human bodies were visible to the very horizon as if someone had seeded them! The figures of the priest in a black robe who was humbly and submissively smoking incense and the soldier standing at attention behind him only intensify the impression of hopeless silence and desolation; and the dismal grey sky lied like a heavy pall over this whole scene.⁶⁴

Alexander II wanted to see Vereshchagin's paintings in person, and the guardsmen carried them to the Winter Palace for him. Let us recall that on February 5, 1880, an explosion thundered in the Winter Palace. The imperial family miraculously escaped death, so strict security measures were in effect.

Minister of War D. Milyutin wrote down his impressions of this impromptu individual vernissage in his diary on March 18, 1880:

After my own report and another report prepared together with Nikolai Girs, I went to the Nicholas Hall of the Winter Palace, where Vereshchagin's paintings were exhibited for the emperor. They had created such a stir and aroused fierce disputes between admirers of the author's talent, mostly ultra-realists, and opponents who recognized these paintings not as reproductions of scenes from the past war, but as a profanation of war, a malicious caricature of what constitutes the pride and sacredness of popular feeling. Indeed, Vereshchagin, an indisputably talented artist, has a strange inclination to choose the most unattractive subjects for his paintings; to depict only the unsightly side of life and, in addition, to accompany his paintings with texts in the form of poisonous epigrams with pretensions to wit. For example, having depicted a sentry covered in snow and freezing in three paintings, he writes above all these images, “All is quiet on Shipka.” On the painting of the emperor and his suite at Plevna, in view of the bloodshed, he inscribes, “The Tsar's name day.” However, this inscription, which was displayed in Paris, has disappeared here of course. Having no opportunity to be at the exhibition, which attracted masses of people, I was glad

⁶⁴ Benois, *My Memoirs*, 370.

to have a chance to personally verify the endless talk I had heard about these paintings, and I must admit that having walked around the entire row of paintings, I came away with a sad impression. The artist himself was not in the hall; wishing to see the paintings, the emperor did not wish to see their author.⁶⁵

On 19 March, Grand Duke Konstantin Konstantinovich also made a remark in his diary about the exhibition of Vereshchagin's paintings in the Nicholas Hall of the Winter Palace:

Vereshchagin's paintings were exhibited in the concert hall of the Winter Palace, where the emperor saw them. I heard that he was dissatisfied with Vereshchagin's direction and did not wish to see him.⁶⁶

Grand Duke himself, who was 22 years old back then, described his impressions of Vereshchagin's paintings in his diary in the following way,

All of Petersburg is talking about Vereshchagin's paintings: there are two categories of them: views of India or a depiction of episodes of the last war. They are exhibited on the Fontanka river embankment in Bezobrazov's house and are illuminated by Yablochkov's electric lamps. There is no end to the debates about these paintings. The public is divided into three parties: artists, admirers, and enemies of Vereshchagin. I belong to the first and partly to the last party. Artists do not deny Vereshchagin's talent, but they consider his paintings to be not works of art but decorative art. Vereshchagin's admirers do not look for any ulterior motives in his paintings, do not analyze their artistry, but simply surrender to the impression that overwhelms them when they see the paintings. Vereshchagin's enemies see a certain bias in his works; they find that in addition to the horrors of war, he wanted to besmear the orders and actions of the commanders of military operations, exhibited only the torments and difficult moments experienced by the troops, and showed almost nothing of the glorious deeds. In the evening, at about 10 o'clock, when the exhibition was closed, I was there. With a few exceptions, I did not like any large or small paintings, for they were lifeless and pale, despite the brightness of the colors. War paintings, the memorial service over the bodies of unfortunate mutilated Jaegers near Telish (entitled *Defeated*) and Turks in the uniforms of the Life Guards Jaeger Regiment, where the aiguillettes and royal monograms on Mebes' shoulder straps are visible in the foreground (*The Victors*) made a painful, heavy impression on

⁶⁵ D.A. Milyutin, *Diary. 1879–1881* [in Russian], ed. L.G. Zakharova (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010), 179–80.

⁶⁶ "Romanov, Konstantin" [in Russian], *Prozhito*. Electronic Corpus of Diaries and Memoirs, accessed October 11, 2024, <https://corpus.prozhito.org/note/269338>

me.⁶⁷ Dostoevskii's descriptions of all sorts of horrors aroused in me a sad, but still uplifting feeling. Here, in front of Vereshchagin's bloody paintings, I was overcome with disgust and anger. The only painting I liked was *Convoy of the Wounded*. I left the exhibition *avec serrément de coeur*.⁶⁸ It was painful and at the same time disgusting.⁶⁹

In a letter to Stasov, Vereshchagin cited the opinions of Grand Dukes that he had heard. Thus, he noted that Vladimir Alexandrovich,

severely scolded me for *impossible* plots <...> Nikolai Nikolaevich, who visited me twice, doubted whether such paintings as *Our Victors* and *Our Defeated* would be understood in Russia at all. . . I heard from the side that praising my works, he saw a *tendency* in them – but of course! All this – both Vladimir's malice and Nikolai's opinion – are similar, as representatives of the most ardent conservatism, they show that I am on a healthy, sincere path, which will be understood and appreciated in Russia.⁷⁰

Disgust and anger, impossible plots, profanation of war – such was the response of the country's ruling elite to Vereshchagin's "bloody paintings." It was disgust and anger at the artist, at his work. For the Romanovs, in whose upbringing and education military training always occupied the largest place, such a reaction was natural. They wanted to see the glorious pages of military history, the heroism of the military rather than the hardships of war, its everyday life, and especially not such ugly truth about "their own" people.

Alexander Benois recorded the debates that flared up in the artistic community. He wrote that the exhibition

had long since closed, but at our family dinners, Uncle Kostya,⁷¹ and Uncle Cesar⁷² were still arguing over Vereshchagin's works with Uncle Misha,⁷³

⁶⁷ Otton Karlovich von Mebes (1835–77), colonel of the Life Guards Jaeger Regiment, participant in the Russo-Turkish War of 1877–78. He died in the Battle of Telish.

⁶⁸ With a sinking heart (in French).

⁶⁹ "Dnevnik velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha. 18 / X – 1879 – 13 / III – 1880" [Diary of Grand Duke Konstantin Konstantinovich. 18 October 1879 – 13 March 1880]. F. 660, op. 1, d. 16, ll. 142 ob.–143 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation], Moscow, Russia.

⁷⁰ "To V.V. Stasov. Paris. 30 October. 11 November. 1879" [in Russian], in *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, 102.

⁷¹ Konstantin Al'ertovich Cavos (1825–90), uncle of A. Benois, a diplomat, Privy Counselor.

⁷² Caesar Albertovich Cavos (1824–83), uncle of A. Benois, an architect.

⁷³ Mikhail Albertovich Cavos (1842–98), uncle of A. Benois, secretary of the Zemstvo board.

Zhenya Lanceray,⁷⁴ Zozo Rossolovsky,⁷⁵ and with the most honored Signor Bianchi.⁷⁶ And how were they arguing! But there was no “party discipline” in these clashes, which resulted in wild confusion. Those people who admired Vereshchagin’s painting were almost ready to accuse him of high treason, and those who praised Vereshchagin for his truthfulness were indignant at the artist’s “charlatanism.” They saw this charlatanism both in the skill with which the artist “knew how to advertise” his work and in the way these exhibitions were organized and publicized. The windows of the hall. . . were covered with shields, and in the resulting darkness the paintings themselves were brightly illuminated by electric light (which had just then been invented); as a result, the solar effects seemed dazzling and extremely illusory.⁷⁷

Thus, the artistic community had different views on what was more important: the contents, internal side of art or its formal, external side, and there were supporters of both the first and the second approaches, and their assessments of Vereshchagin’s work were diametrically opposed. It is interesting that being a successful artist in this environment was considered indecent. The ability to advertise one’s work, the ability to arrange a performance from an exhibition – all these abilities were the qualities of a charlatan rather than a creator in the opinion of the artistic community in which the broth of the *Mir iskusstva* matured.

As for historians, we can cite the opinion of I. Zabelin, an outstanding archaeologist and specialist in the history of Moscow. On May 24, 1883, he visited the exhibition of Vereshchagin’s paintings in Moscow and was struck by the representation of the field near Telish,

. . . I had arrived in Moscow earlier than expected and therefore had a chance to have a look at Vereshchagin’s paintings. A strong master in choosing light and in picturing real truth. The view of the Kremlin is ordinary. But the best of all is the priest and the deacon of the regiment conducting a memorial service on the battlefield. They sing and read as if they were alive.⁷⁸

⁷⁴ Evgeny Alexandrovich Lanceray (1848–86), son-in-law of A. Benois, an animalist sculptor.

⁷⁵ Vyacheslav Silverstovich Rossolovskii (1849–1908), a military correspondent of the *Novoye vremya* during the Russo-Turkish war of 1877–78.

⁷⁶ Giovanni Bianchi (Jean Bianchi) (1811–93), a Swiss who lived in Russia from 1820 to 1884; one of the first St Petersburg photographers.

⁷⁷ Benois, *My Memoirs*, 369.

⁷⁸ I.E. Zabelin, *Diaries. Notebooks* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh, 2001), 127.

For Zabelin, the most important thing was the artist's realism; this "as if they were alive" emotion outweighed everything else.

Vereshchagin himself described the reaction to the reviews of the painting *Defeated. Memorial Service*,

I confess that I painted a representation of this funeral service later, and I did this in considerably softened colors; and what have I not heard about it! That this was charlatanism, and self-defeat, and historical untruth! Sentimental people from society, even admitting the truth of the depiction, reproached the artist for not adding even an insignificant ray from the overhanging clouds to help the figure of the priest bending over the corpses. . . The best justifier for me was the priest, who said to the public looking at the painting right I front of it, "Gentlemen, the priest who conducted the funeral service for the murdered Jaegers was me, and I allow myself to say that everything was exactly like that, the painting is completely accurate to reality."⁷⁹

What was the further fate of the paintings? For Tretyakov, the entire Balkan series of paintings and sketches turned out to be prohibitively expensive (and he did not like some of the canvases), he wanted to buy only a few works, bargained, and as a result, some of the paintings and a series of sketches were bought in 1883 by I. Tereshchenko, a large sugar manufacturer from Kiev. It was he who bought *The Victors* (that is why this painting is now in the collection of the Kiev Art Gallery (formerly the Kiev Museum of Russian Art)). Among the 59 sketches acquired by Tereshchenko were those related to the sad battle of Telish, namely "Monument to the Life Guards near Telish" and "At the Site of the Battle of Telish."⁸⁰ In 1887, Tretyakov bought the painting *Defeated. Memorial Service* from Vereshchagin,⁸¹ so now it is kept in the State Tretyakov Gallery.

Sketch 6, about the battle genre, or about the "horrors of war" and "atrocities"

The world painting tradition has its own hierarchy, and each artist has his own place in the "coordinate system" of art history.⁸²

⁷⁹ Vereshchagin, *At War*, 153–54.

⁸⁰ "To I.N. Tereshchenko. Moscow. 30 May. 11 June. 1883" [in Russian], in *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, 135–37.

⁸¹ *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, 248.

⁸² For more about Vereshchagin's place, see O.Yu. Solodyankina, and A.V. Vsevolodov, "Great – Significant – Great Again: How Vasily Vereshchagin's Place in the Soviet Culture of the 1920s – 1960s Was Sought" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (66) (2024): 186–96.

In terms of battle painting, Vereshchagin was “compared” to Horace Vernet (1789–1863), a French artist who created a series of paintings of the French conquests in Algeria and Morocco for the military gallery in the Palace of Versailles. Those were beautiful, brightly colored canvases favored by Nicholas I, at whose invitation Vernet visited Russia and even created several paintings commissioned by the imperial court. Two other French battle painters, Alphonse de Neuville (1836–85) and Edouard Detaille (1848–1912), became famous for their truthful depiction of the ordinary life of soldiers and the attention to individual heroes of the Franco-Prussian War rather than the interest in grandiose battle scenes. Detaille later worked in Russia and prepared an album about Krasnoe Selo military maneuvers. He could have created a painting on how beautifully the Jaegers moved in attack on the field near Telish. After all, as we remember, they “marched as during a military drill, in step, officers ahead of the company.” Unlike Vernet, Neuville and Detaille, Vereshchagin was attracted by the cruel, animal side of the war. This interest manifested itself in the artist even in the Turkestan series of paintings (such paintings as *The Apotheosis of War, After a Success, After Failure, A Forgotten Soldier*⁸³), and the public believed that Vereshchagin simply enjoyed depicting “horrors.”

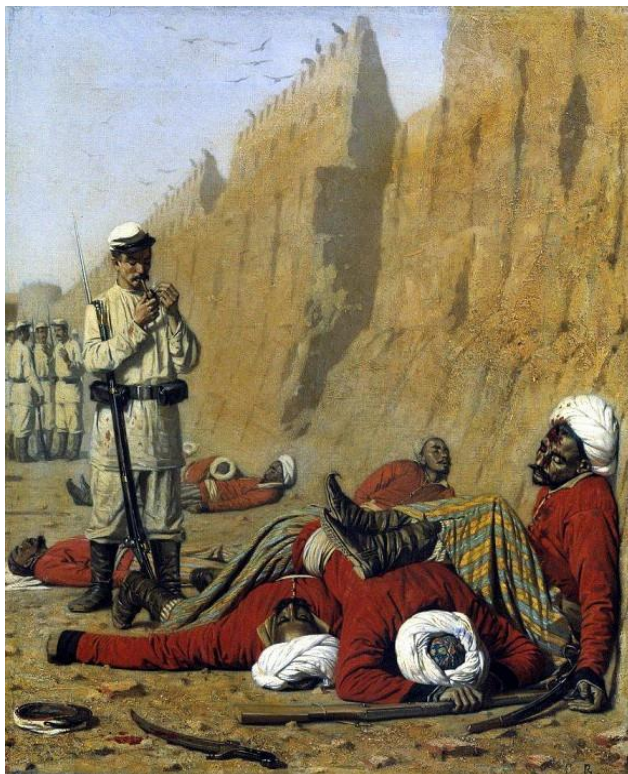

V.V. Vereshchagin. *A Forgotten Soldier* (1872)

Source: Art Poisk.

URL: http://artpoisk.info/artist/vereschagin_vasilij_vasil_evich_1842/zabytyy/?ysclid=m6j98h8xba683747765

⁸³ The painting *A Forgotten Soldier* was destroyed by the artist. It is believed that it happened after a sharply negative assessment expressed by Alexander II and Governor-General of Turkestan Kaufman, who pointed out that our army had never abandoned “their own” and Vereshchagin had erred against the truth.

V.V. Vereshchagin. *After Failure* (1868).

State Tretyakov Gallery

Source: Gallerix.ru.

URL: <https://gallerix.ru/album/Vereshagin/pic/glr-388858032>

V.V. Vereshchagin. *After a Success* (1868).

State Tretyakov Gallery

Source: Gallerix.ru.

URL: <https://gallerix.ru/album/Vereshagin/pic/glr-241778564?ysclid=m6jbhxtzvy742287596>

Vereshchagin explained his plan in a letter to Stasov,

These “horrors” depicted by the artist on this canvas are not read by him anywhere, not taken from somewhere lightly. They were seen and sensed by himself (we found the corpses of our unfortunate soldiers, drenched in still warm blood, with their heads deeply cut out of their shoulders, and pursued those who carried away these heads). . . .the artist deliberately resolved to give others a glimpse of the gruesome details of war, details unknown and overlooked, partly behind the clatter of weapons and their immediate results, partly behind these or those more or less innocent aims and affairs. Hence, not out of whimsy and platonic love of blood, those unattractive scenes for which sworn aestheticians will not fail to reproach the author, who did not dare to sentimentalize where, according to the taste of the public and critics, it was necessary and accepted to do so.⁸⁴

⁸⁴ “To V.V. Stasov. Petersburg. Middle March. 1874” [in Russian], in *Vasily Vasilievich Vereshchagin. Selected Letters*, 30–31.

There was also an established tradition and absolute authority for depicting the “horrors of war.” Among those distinguished for that were French artist and engraver Jacques Callot (1592–1635) and Spanish painter and graphic artist Francisco Goya (1746–1828). Callot was the author of a series of large-scale etchings called *The Disasters of War*, which depicted the chaos and horrors of the Thirty Years’ War in Europe. Being under the impression of the war waged in Spain against the invasion of French troops, Goya also created a series of etchings called *The Disasters of War* (1810–20). It was in the 1870s that its own tradition of depicting the “horrors of war” established in Russia, setting the audience in a patriotic mood. A. Benois, a boy in those years, described the genre of “horrors” as follows,

I was particularly impressed by the stories of the tortures inflicted by the “bloodthirsty Bashi-bazouks” on the inhabitants of the countries under the Sublime Porte’s control. On the pages of illustrated magazines, there were pictures on the same subject. At the exhibitions, there were paintings, sometimes of considerable size, in which artists endeavored to express their indignation or their patriotic enthusiasm. One of these paintings I particularly remembered, and that was because it was said that “our good sovereign himself” saw it and wept over it. < . . . > The painting was called, if I am not mistaken, *Turkish atrocities*, and it belonged to the brush of Konstantin Makovsky, the most celebrated artist of those years.⁸⁵

Let us correct the memory of Benoit, who remembered this story as a boy. Makovsky’s painting was called *Bulgarian Martyresses* and was painted correctly in terms of ideology and gender. The victims were beautiful white women whose semi-naked bodies attracted the aesthete’s eye. There was a certain sexualization in scene of the war horrors.⁸⁶ The villains were stilted characters: they were Bashi-bazouks, with one of them being a Circassian, the second one, an Albanian, and the third one, a Negro. Makovsky’s painting was “staged” from the beginning to the end: young, dazzlingly beautiful wife of the artist was depicted as one of the victims and the

⁸⁵ Benois, *My Memoirs*, 365–66.

⁸⁶ Works of modern researchers note that narratives of sexual violence serve an important function in the demonization of the enemy. As a metaphor, sexual violence is also a representation of the conquest of territory and the failure of men to defend their homeland. Thus, violence against women becomes an assault on male and national honor, and there is a complex transition from real women’s bodies and the dangers they face to a nationalist discourse that uses images of women’s bodies to mark national or communal boundaries. For more, see Ā.C. Schick, “Christian Maidens, Turkish Ravishers: The Sexualization of National Conflict in the Late Ottoman Period,” in *Women in the Ottoman Balkans: Gender, Culture and History*, ed. A. Buturović, Ā.C. Schick (London; New York: I.B. Tauris; Palgrave Macmillan, 2007), 277.

infant was their son. Let us compare it with Vereshchagin's *The Victors* and *Defeated*, where the naked bodies of Jaegers, not beautiful women but men, carry no sexual message at all. On the contrary, the very idea that the losers were white men, Russians, and the winners were people of the East, the dark-skinned Turks, seemed absolutely wrong to the ruling elite. Therefore, the sweet *Bulgarian Martyresses* suited the Russian establishment because the emotions they evoked contributed to the formation of sympathy for the Slavic brothers, the correct patriotic sentiments of the period of the Russo-Turkish war. Thus, the tears of the sentimental Alexander II were a perfectly natural reaction. It was not Vereshchagin's painting *A Forgotten Soldier*, threatening to dishonor the uniform. It was a depiction of suffering white women, and the barbarians were the Turks. As the artist himself wrote,

Modern civilization was scandalized chiefly by the fact that Turkish massacres were carried out close at hand, in Europe, and then that the means of committing the atrocities were too much like those of Tamerlane times: chopping and cutting throats like those of rams.⁸⁷

K. Makovsky, *Bulgarian Martyresses* (1877). National Art Museum of the Republic of Belarus
Source: National Art Museum of the Republic of Belarus.

URL: <https://artmuseum.by/ru/collection/russkae-mastatctva-xviii-pachatku-xx-v/bolgarskie-muchenitcy?ysclid=m6jbjtor9464252378>

⁸⁷ Vereshchagin, *At War*, 122.

Sketch 7, the concluding one

A. Zhirkevich, a lawyer who organized an exhibition of Vereshchagin's paintings in Vilna in 1900 and had many contacts with the artist, wrote that

Vereshchagin had a lot of memoirs associated with each of his paintings; about all of them he apparently thought a lot and felt a lot before starting to work on any of them. . . .⁸⁸

In his diary, Zhirkevich described Vereshchagin's creative style as follows:

Usually, he was an enemy of sketches, for he did not make many of them. Those 40 sketches that he made in a combat situation are lost. The painting by means of special psychological and prolonged work is formed in him gradually, day by day, and one day materializes in front of him to the smallest detail! When he was creating his paintings on the Russo-Turkish War, episodes of this war appeared before him, the pictures formed themselves, and one day he clearly saw before him a number of his future paintings. . . . All that was left was to sit down and work. At the same time, Vereshchagin rarely changes any detail, to the extent that everything, even lighting effects, is forever settled in his artistic memory. When a painting is mature in his head, Vereshchagin sits down and paints it directly, only occasionally checking details on models. According to his own confession, his memory is amazing, and to this day he can envisage any scene from his life that left an impression on him in the smallest detail, being sure that the general tone, light and shadow effects, the positions of individuals, the whole group – all will come out almost photographically correct. (Yesterday I called such memory of his “scary”).⁸⁹

This scary memory allowed Vereshchagin to paint one of the most profound of his works, *Defeated. Memorial Service*. Causing controversy among contemporaries, this painting received no adequate assessment in Soviet art criticism. When A. Lebedev, who in the 1960s wrote a large-scale manuscript on Vereshchagin, tried to call the artist one of the best masters who described the horrors of war, he was answered by the influential art critic D. Sarab'anov:

⁸⁸ A. Zhirkevich, “Vasily Vasilievich Vereshchagin: From Personal Memoirs” [in Russian], *Vestnik Evropy*, vol. 2, bk. 4 (1908): 522.

⁸⁹ “Selected Pages from the Diary of A.V. Zhirkevich about V.V. Vereshchagin. 1900–1901 [in Russian], *Heritage of A.V. Zhirkevich (1857–1927)*, accessed October 11, 2024, <http://nasledie-zhirkevich.ru/krug-obshheniya/vereshagin-v-v/izbrannye-stranicy-iz-dnevnika-a-v-zhirkevicha-o-v-v-vereshhagine-1900-1901-gody/>

All Vereshchagin's paintings cannot compare with just two works by Goya. In art, it is not quantity that decides, but only quality. Goya belongs to the number of brilliant artists; there were only several artists like that in the entire world history of art. This, of course, cannot be said about Vereshchagin.⁹⁰

It seems to me, however, that in the painting *Defeated. Memorial Service* Vereshchagin did rise to the heights of genius.

Список литературы

Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Москва: Воениздат, 1956. 464 с.

Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979. 241 с.

Двадцатипятилетие великой освободительной войны. 1877–XXV–1902 / составитель Л.А. Богданович. Москва: Отделение товарищества типографий И.Д. Сытина, 1902. 136 с.

Золотарев В.А., Межевич М.Н. История нелегкой победы. Москва: Наука, 1979. 80 с.

История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. Составлена по архивным документам и другим источникам офицерами лейб-гвардии Егерского полка. Санкт-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, 1896. 645 с.

Кочуков С.А. Неизвестный корреспондент известной войны (военный корреспондент князь Л.В. Шаховской на балканском фронте русско-турецкой войны 1877–1878 годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 15–20.

Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. 1842–1904. Москва: Искусство, 1958. 427 с.

Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове: в 2 т. Санкт-Петербург: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1901.

Преображенский И.В. За братьев славян. По поводу 25-летия священной войны 1877–1878 гг. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1903. 192 с.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / под редакцией И.И. Ростунова. Москва: Воениздат, 1977. 263 с.

Смирнов А.А. Индивидуальные черты частей русской гвардейской пехоты в начале XX в. // Пространство и время. 2017. № 2–3–4 (28–29–30). С. 147–166.

Солодянкина О.Ю., Всеволодов А.В. Великий – значительный – снова великий: как в советской культуре 1920–1960-х годов искали место В.В. Верещагину // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 186–196.

Schick Í.C. Christian Maidens, Turkish Ravishers: The Sexualization of National Conflict in the Late Ottoman Period // Women in the Ottoman Balkans: Gender, Culture and History / edited by A. Buturović, Í.C. Schick. London; New York: I.B. Tauris; Palgrave Macmillan, 2007. P. 273–305.

⁹⁰ Otzyv D.V. Sarab'yanova na rukopis' A.K. Lebedeva "V.V. Vereshchagin" [D.V. Sarabianov's Response to A.K. Lebedev's manuscript "V.V. Vereshchagin"]. F. 2711, op. 4, d. 313, l. 13. Rossiyskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art], Moscow, Russia.

References

- Belyaev, N.I. *Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg.* [The Russo-Turkish War of 1877–1878]. Moscow: Voenizdat, 1956. (In Russian)
- Bogdanovich, L.A., comp. *Dvadsatipyatiletie velikoi osvoboditel'noi voiny. 1877–XXV–1902* [Twenty-five Years of the Great War of Liberation. 1877–XXV–1902]. Moscow: Otdelenie tovarishchestva tipografii I.D. Sytina, 1902. (In Russian)
- Genov, Ts. *Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelei* [The Russo-Turkish War of 1877–1878 and the feat of liberators]. Sofia: Sofiya Press, 1979. (In Russian)
- Istoriya leib-gvardii Egerskogo polka za sto let. 1796–1896. Sostavlena po arkhivnym dokumentam i drugim istochnikam ofitserami leib-gvardii Egerskogo polka* [History of the Life Guards Jaeger Regiment for a Hundred Years. 1796–1896. Compiled from Archival Documents and Other Sources by Officers of the Life Guards Jaeger Regiment]. St Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno, 1896. (In Russian)
- Kochukov, S.A. “Neizvestnyi korrespondent izvestnoi voiny (voennyi korrespondent knyaz' L.V. Shakhovskoi na balkanskom fronte russko-turetskoi voiny 1877–1878 godov)” [An unknown correspondent of the known war (war correspondent Prince L. Shakhovskoi on the Balkan front of the Russo-Turkish war of 1877–1878)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 13, iss. 1 (2013): 15–20.
- Lebedev, A.K. *Vasilii Vasil'evich Vereshchagin: Zhizn' i tvorchestvo. 1842–1904* [Vasily Vasilievich Vereshchagin. Life and Work. 1842–1904]. Moscow: Iskusstvo, 1958. (In Russian)
- Opisanie russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. na Balkanskom poluostrove* [Description of the Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Balkan Peninsula]. 2 vols. St Petersburg: Voenno-istoricheskaya komissiya Glavnogo shtaba, 1901. (In Russian)
- Preobrazhenskii, I.V. *Za brat'ev slavyan. Po povodu 25-letiya svyashchennoi voiny 1877–1878 gg.* [For Our Brothers, the Slavs. On the 25th Anniversary of the Sacred War of 1877–1878]. St Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina, 1903. (In Russian)
- Rostunov, I.I., ed. *Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg.* [The Russo-Turkish War of 1877–1878]. Moscow: Voenizdat, 1977. (In Russian)
- Schick, Ī.C. “Christian Maidens, Turkish Ravishers: The Sexualization of National Conflict in the Late Ottoman Period.” In *Women in the Ottoman Balkans: Gender, Culture and History*, edited by A. Buturović, and Ī.C. Schick, 273–305. London; New York: I.B. Tauris; Palgrave Macmillan, 2007.
- Smirnov, A.A. “Individual'nye cherty chastei russkoi gvardeiskoi pekhoty v nachale XX v.” [Individual traits of the Russian Guards Infantry Units in the early 20th century]. *Prostranstvo i vremya*, no. 2–3–4 (28–29–30) (2017): 147–66. (In Russian)
- Solodyankina, O.Yu., and A.V. Vsevolodov. “Velikii – znachitel'nyi – snova velikii: kak v sovetskoi kul'ture 1920–1960-kh godov iskali mesto V.V. Vereshchaginu” [Great – significant – great again: How Vasily Vereshchagin's place in the Soviet culture of the 1920s – 1960s was sought]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (66) (2024): 186–96. (In Russian)
- Zolotarev, V.A., and M.N. Mezhevich. *Istoriya nelegkoi pobedy* [The history of the difficult victory]. Moscow: Nauka, 1979. (In Russian)

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Солодянкина – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «*Historia provinciae* – журнал региональной истории», <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiantkin@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия).

Information about the author

Olga Yu. Solodyankina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Journal *Historia Provinciae* – the Journal of Regional History, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiantkin@mail.ru (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.